

Agatha Christie
СЕРЕБРЯНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Агата
Кристи

Горе невинным

Агата Кристи. Серебряная коллекция

Агата Кристи
Горе невинным

«ЭКСМО»

1958

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Кристи А.

Горе невинным / А. Кристи — «Эксмо», 1958 — (Агата Кристи. Серебряная коллекция)

ISBN 978-5-699-99085-6

Два года прошло с тех пор, как Джек Эрджайл, осужденный за убийство матери, умер в заключении – умер, нося на себе клеймо самого страшного преступника, какое только можно себе вообразить. И никто не прислушивался к его словам о том, что он невиновен. Но вдруг ситуация меняется – из антарктической экспедиции возвращается полярный исследователь доктор Калгари. Он точно знает, что у Джека было алиби, и полон решимости отыскать настоящего преступника и оправдать осужденного, пусть и посмертно. Семья Эрджайла недовольна таким поворотом событий: теперь оказывается, что убийца – кто-то из них, вполне благопристойных граждан...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-99085-6

© Кристи А., 1958
© Эксмо, 1958

Содержание

Глава 1	6
I	6
II	9
Глава 2	15
Глава 3	20
I	20
II	23
III	26
Глава 4	29
Глава 5	35
Глава 6	40
I	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Агата Кристи

Горе невинным

Билли Коллинзу в знак приязни и благодарности

*Если я буду оправдываться,
то мои же уста обвинят меня;
если я невинен,
то Он признает меня виновным.*

Иов, 9:20

Agatha Christie

ORDEAL BY INNOCENCE

Copyright © 1958 Agatha Christie Limited. All rights reserved

AGATHA CHRISTIE and The Agatha Christie Signature are registered trade marks of Agatha Christie Limited in the UK and elsewhere. All rights reserved.

© Соколов Ю.Р., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательство «Э»,
2017

Глава 1

I

Уже смеркалось, когда он вышел к переправе, хотя мог прийти сюда и много раньше. Правда заключалась в том, что он оттягивал этот миг так, как только мог. Сперва отобедал с друзьями в Редки; легкий и бесцельный разговор, обмен свежими сплетнями об общих знакомых – все это означало только то, что внутренне он стремится уклониться от предстоящего дела. Друзья пригласили его остаться на чай, и он согласился. Однако наконец пришло время, когда он понял, что больше оттягивать уже невозможно.

Нанятая им машина уже ждала его. Он распрощался и отбыл, для того чтобы проехать семь миль по прибрежной дороге, а потом свернуть в лесную аллею, заканчивавшуюся возле небольшой каменной пристани на речном берегу. Над ней был подвешен большой колокол, в который нанятый им водитель энергично позвонил, чтобы вызвать перевозчика с того берега.

– Не хотите, чтобы я подождал, сэр?

– Нет, – ответил Артур Калгари. – Через час за мной сюда должна приехать машина, чтобы отвезти в Драймут.

Получив плату вместе с чаевыми, водитель собрался отъехать. Вглядываясь в укрытую полумраком реку, он промолвил:

– А вот и паром, сэр.

Негромко пожелав доброй ночи, водитель развернул машину и направил ее вверх по склону. Артур Калгари остался на пристани в одиночестве. В одиночестве – и вместе со своими мыслями и неприятием того, что ему предстояло. Какие дикие места, подумал он. Нетрудно было представить себя на берегу шотландского *лоха* вдали от всего на свете. Тем не менее всего в нескольких милях отсюда располагались отели, магазины, коктейль-бары многолюдного Редки. Он погрузился – уже не впервые – в размышления о чрезвычайных контрастах английского ландшафта.

С негромким плеском весел к причалу небольшой переправы подошла лодка.

Артур Калгари сошел вниз по наклонному настилу и перешел в лодку. Паромщик придерживал ее багром. Старик этот произвел на Калгари странное впечатление: он словно бы составлял единое и нераздельное целое со своей лодкой.

Когда паромщик оттолкнул свое суденышко от причала, с моря донеслось холодное дуновение.

– Прохладно сегодня вечером, – пожаловался старик.

Калгари отреагировал подобающим комментарием. А потом согласился с тем, что еще вчера было теплее.

Он ощущал – или же ему казалось, – что читает в глазах лодочника скрытое любопытство. Перед ним находился незнакомец – причем после завершения туристического сезона. Более того, переправлявшийся в неурочный час – слишком поздний для того, чтобы можно было выпить чаю в кафе у пристани. При нем не было багажа, и поэтому можно было думать, что он не собирается оставаться на ночлег. (Действительно, подумал Калгари, зачем я так затягивал время? Не потому ли, что подсознательно как можно дальше отодвигал от себя этот момент, оставляя то, что надлежит сделать, на возможно поздний момент?) Время перейти Рубикон – реку... реку...

Память его обратилась к другой реке – Темзе. Он смотрел на ее воды незрячими глазами (неужели это было только вчера?), а потом глянул в лицо человека, сидевшего напротив него за столиком. В эти задумчивые глаза, в которых таилось нечто такое, чего он не умел понять.

Сдержанность, некая мысль, осознанная, но не произнесенная. «Наверное, – подумал он, – глаза эти просто не способны выдать мысли своего хозяина».

Если подумать как следует, перспектива была откровенно жуткой: он должен исполнить то, что надлежит исполнить, – а после того *забыть!*

Калгари нахмурился, вспоминая вчерашний разговор. Этот тихий, приятный и безличный голос, говорящий:

– Вы вполне уверены в направлении собственных действий, доктор Калгари?

Он с жаром ответил:

– Что еще я *могу* сделать? Конечно, вы понимаете меня? А потому должны согласиться с тем, что уклониться я не могу.

Тем не менее он не понял взгляд глядевших на него отстраненных серых глаз и потому был слегка смущен ответом.

– Вопрос следует рассматривать со всех сторон – учитывая все его аспекты.

– Однако с точки зрения правосудия может существовать всего один аспект.

Он говорил горячо, на мгновение подумав, что слышит неблагоприятное предложение «замять» дело.

– В известной мере да. Однако, знаете ли, здесь кроется нечто большее. Большее, чем – скажем так – правосудие.

– Я не согласен. Надо думать и о его родственниках.

Собеседник торопливо произнес:

– Именно – да-да – именно о них я и думал.

С точки зрения Калгари это была полная чушь! Потому что если думать о *них*...

Однако тот, другой, проговорил, не меняя приятной интонации:

– Впрочем, всё полностью в ваших руках, доктор Калгари. Конечно, вы должны поступать именно так, как считаете нужным...

Лодка причалила к берегу. Он пересек свой Рубикон.

С мягкой интонацией уроженцев западного края паромщик произнес:

– С вас четыре пенса, сэр, или вы хотите вернуться?

– Нет, – проговорил Калгари. – Возврата не будет. – (Какие зловещие слова!)

Заплатив, он спросил:

– А не укажете ли мне дом под названием «Солнечный мыс»?

Любопытство из завуалированного немедленно перешло в открытое. В глазах старика сверкнул явный интерес.

– Конечно. Вон там, впереди и направо, – если видите между деревьями. Надо подняться на холм, потом свернуть по дороге направо, а потом – по новой дороге через поселок. Последний дом – в самом конце.

– Благодарю вас.

– Так вы сказали «Солнечный мыс», сэр? Это где миссис Эрджайл...

– Да-да, – оборвал его Калгари. Он не хотел никаких обсуждений. – «Солнечный мыс».

Странная улыбка неторопливо искривила губы перевозчика, вдруг сделавшегося похожим на древнего и лукавого фавна.

– Это она сама назвала так дом – во время войны. Это был новый дом, конечно, только что построенный, и у него не было имени. Однако место, где он стоит, – этот поросший деревьями пятачок всегда назывался Гадюкиным мысом, вот так! Однако Гадюкин мыс не подходил ей – не годился в название дома. Так он и стал для нее «Солнечным мысом». Но мы сами, как и прежде, зовем его Гадюкиным – так, как и звали.

Калгари отрывистым тоном поблагодарил старика, попрощался и направился вверх по склону. Местные жители, похоже, все уже сидели по домам, однако ему казалось, что

из окон коттеджей за ним наблюдают незримые глаза – наблюдают, зная, куда он идет. И переговариваются между собой: «Он идет на Гадюкин мыс...»

Гадюкин мыс. Насколько жуткое, но уместное имя.

*Во сколько раз острей зубов змеиных...*¹

Он резко осадил себя. Надо собраться и направить свой ум в точности по намеченному пути.

¹ Шекспир У. «Король Лир». Пер. А. Дружинина.

II

Калгари дошел до конца красивой новой улицы, по обе стороны застроенной не менее красивыми и новыми домами, каждый с садиком в одну восьмую акра², засаженным очитками, хризантемами, розами, шалфеем, геранью – в сочетаниях, отражавших личный вкус владельца или владелицы дома.

В конце дороги маячила калитка с надписью готическими буквами: «Солнечный мыс». Открыв ее, Калгари направился по ведущей к дому короткой дорожке. Дом находился впереди него, добротно построенный и безликий, с крышей уголком и с крыльцом. Подобный ему нетрудно увидеть в любом состоятельном пригородном поселке и вообще в новой застройке. С точки зрения Калгари, он был недостоин окружающего пейзажа. Ибо вокруг открывался воистину великолепный вид. Река крутым поворотом огибала мыс, разворачиваясь почти в обратную сторону. Напротив поднимались лесистые холмы; слева, вверх по течению, угадывалась предшествующая излучина, за ней луга и сады.

Калгари на миг застыл, обводя взглядом все протяжение реки. Тут надо было построить замок, подумал он, невозможный, забавный сказочный замок! Из тех, которые делают из пряников или сахарной глазури. Но здесь доминировал хороший вкус, сдержанность, умеренность, большие деньги и полное отсутствие воображения.

Винить за это Эрджайлов, собственно, не стоило. Они всего лишь купили дом, но не строили его. И все же они или одна из них (миссис Эрджайл?) предпочли его другим вариантам.

Сказав себе: «Больше откладывать невозможно», Калгари нажал кнопку электрического звонка возле двери – и замер, выжидая. Выдержав благопристойный интервал, нажал на нее снова.

Шагов внутри дома он не услышал, однако дверь без всякого предупреждения распахнулась.

В изумлении он сделал шаг назад. Его перевозбужденному воображению показалось, что путь ему преградила сама Трагедия. Молодое лицо... действительно именно в юности кроется во всей остроте самая сущность трагедии. Трагическая маска, подумал он, всегда будет изображать молодое лицо... Беспомощное, с печатью предопределения, со знаком приближающегося рока...

Осадив себя, он невольно подумал: наверное, ирландка. Васильково-синие глаза, темные тени вокруг них, густые черные волосы, скорбная краса лепки костей черепа и скул...

Девушка замерла на месте... молодая, наблюдательная и враждебная.

– Да? Чего вам угодно? – наконец спросила она.

Он не стал ничего придумывать.

– Мистер Эрджайл дома?

– Да. Только он не принимает людей... То есть тех людей, кого не знает. Вы ведь незнакомы с ним, так?

– Нет. Он не знает меня, однако...

Она начала закрывать дверь.

– Вам следовало бы написать...

– Простите, но мне необходимо встретиться с ним. Я имею дело с... мисс Эрджайл?

– Да, – без особой охоты согласилась она, – я – Эстер Эрджайл. Однако мой отец не принимает людей без предварительной договоренности. Напишите ему.

– Я приехал издалека...

² 1 акр = 0,4 га; т. е. с участком в 5 соток.

Слова эти не тронули ее.

– Так все говорят. Но я надеялась, что мир наконец избавился от этой привычки. – И полным обвинения тоном продолжила: – Надо полагать, вы – репортер?

– Нет-нет, ничего подобного.

Явно не веря, она смотрела на него подозрительным взглядом.

– Ну и чего же вам нужно в таком случае?

За ее спиной в прихожей Калгари заметил другое лицо... пресное, невыразительное. Описывая, он уподобил бы физиономию этой женщины средних лет блину, к верхней части которого прилепился завиток седеющих светлых волос. Особа эта, выжидая, застыла за спиной девушки подобно притаившемуся, но внимательному дракону.

– Мое дело касается вашего брата, мисс Эрджайл.

Эстер резко вздохнула и недоверчивым тоном спросила:

– Майкла?

– Нет, вашего брата Джека.

Она взорвалась:

– Так я и знала! Я знала, что вы явились по поводу Джеко! Ну почему вы не можете оставить нас в покое? Все закончено и забыто. Зачем продолжать?

– Однако полной уверенности в том, что все действительно кончено, никогда не бывает.

– Но здесь-то все *действительно* кончено! Джеко мертв. Или вы способны оживить его? История дописана. И если вы не журналист, значит, вы доктор, психолог или кто-нибудь в этом роде... Пожалуйста, уходите. Моего отца нельзя беспокоить. Он занят.

Девушка снова начала закрывать дверь. Торопливым движением Калгари сделал то, с чего ему следовало бы начать разговор: он извлек из кармана письмо и протянул ей.

– У меня письмо к нему – от мистера Маршалла.

Эстер отступила. Пальцы ее с сомнением взяли конверт. Она с нерешительностью произнесла:

– От мистера Маршалла... из Лондона?

К ней вдруг присоединилась таившаяся за спиной женщина средних лет, таившаяся в недрах прихожей. Она с подозрением уставилась на Калгари, и взгляд ее напомнил ему заморские монастыри. Конечно же, такое лицо могло принадлежать только монахине! Оно требовало накрахмаленного чепца, или как там он у них зовется, плотно охватывающего лицо, черного облачения и вуали. Это было лицо не созерцательницы, но послушницы, с подозрением разглядывающей вас через приоткрытую щель, прежде чем без особой охоты впустить и проводить в приемную или к самой преподобной матери.

– Так, значит, вы от мистера Маршалла? – спросила она.

Вопрос этот прозвучал едва ли не прямым обвинением.

Эстер рассматривала оказавшийся в ее руке конверт. А потом, не говоря более ни слова, припустила вверх по лестнице.

Калгари остался на пороге под подозрительным и осуждающим взглядом помеси дракона с послушницей.

Он попытался что-то сказать, однако так и не смог придумать подходящую случаю фразу. И потому благоразумно сохранял молчание.

Наконец сверху донесся холодный и отчужденный голос Эстер:

– Отец говорит, чтобы он поднялся наверх.

Приставленная к нему караульщица отодвинулась в сторону. Подозрительное выражение так и не сошло с ее лица. Миновав ее, Калгари оставил свою шляпу на кресле и поднялся по лестнице, наверху которой его поджидала Эстер.

Внутренность дома поразила его своим стерильно чистым обликом. Можно было подумать, что он попал в дорожную частную клинику. Эстер провела его по коридору, потом они

спустились на три ступеньки. Наконец девушка открыла перед ним дверь и жестом пригласила войти. Последовав за ним внутрь, она притворила за собой дверь.

Комната оказалась библиотекой, и Калгари с неким удовольствием огляделся. Здесь царила атмосфера, совершенно отличная от уже знакомой ему части дома. В этой комнате человек *жил*, здесь он работал и отдыхал. Стены обставлены книгами, кресла просторные, несколько потрепанные, но уютные. На письменном столе – радующий глаз бумажный хаос, разложенные повсюду книги. Калгари на миг заметил молодую женщину, выходящую из комнаты через противоположную дверь – довольно привлекательную и молодую. А потом внимание его перешло к человеку, поднявшемуся навстречу гостю со вскрытым письмом в руке.

В первый миг знакомства Лео Эрджайл показался ему таким прозрачным, таким полблекшим... словно был совершенно бестелесным. Скорее призраком, чем человеком! Однако голос его звучал приятно, хотя и не слишком звучно.

– Доктор Калгари? – проговорил он. – Прошу вас, садитесь.

Калгари сел, принял предложенную сигарету. Хозяин дома опустился в кресло напротив него. Все это совершалось без спешки, как бы в мире, в котором время не имело особого значения. С мягкой, едва заметной улыбкой на лице Лео Эрджайл проговорил, легко прикоснувшись бескровным пальцем к письму:

– Мистер Маршалл пишет, что у вас есть важное для нас сообщение, хотя он и не пишет, на какую тему. – И с более глубокой улыбкой добавил: – Адвокаты всегда стараются не проговориться, не так ли?

Не без удивления Калгари понял, что человек, с которым он имеет дело, – счастлив. Счастлив не по легкомыслию, не от полноты чувств, как это обыкновенно случается, – скорее внутренне удовлетворен. Это был человек, к которому внешний мир не имел отношения и который был совершенно доволен этим. Калгари не понимал, почему это так удивило его, – но тем не менее удивлялся.

– Благодарю вас, что вы согласились принять меня, – проговорил он. Слова эти послужили чисто механическим введением. – Я посчитал, что будет лучше, если я обращусь к вам лично, а не письменно.

Он умолк, а потом проговорил с внезапным возбуждением:

– Это трудно... так трудно...

– Не спешите. – Лео Эрджайл по-прежнему сохранял вежливый и корректный тон. Он подался вперед, очевидно стараясь помочь в своей благосклонной манере. – Поскольку вы привезли письмо от Маршалла, полагаю, что ваш визит связан с моим несчастным сыном Джеко – то есть Джеком... В семье мы звали его Джеко.

Все старательно заготовленные Калгари слова и фразы испарились неведь куда. Он сидел на месте, сраженный жуткой реальностью того, что ему предстояло сказать.

– Мне так невероятно трудно... – вновь пробормотал он.

После недолгого молчания Лео осторожно проговорил:

– Если это может вам помочь – нам уже известно, что Джеко вряд ли был нормальным человеком. Ничто из того, что вы способны сказать, не сможет удивить нас. При всем ужасе пережитой нами трагедии я глубоко убежден в том, что Джеко не мог нести полную ответственность за свой поступок.

– Конечно же, не мог, – проговорила Эстер, и звук ее голоса заставил Калгари вздрогнуть. Каким-то образом он успел за короткое мгновение забыть о ее присутствии. Девушка присела на ручку кресла, находившегося за его левым плечом. Он повернулся к ней, и Эстер торопливым движением склонилась к нему.

– Джеко всегда вел себя ужасно, – доверительным тоном проговорила она. – Он был просто как маленький мальчик – то есть когда раздражался. Просто хватал, что под руку подвернется, и бросался на тебя.

– Эстер... Эстер... моя дорогая, – проговорил Эрджайл несчастным голосом.

Девушка вздрогнула и поднесла руку к губам, покраснела и растерянным тоном проговорила:

– Прости... Я не хотела... я забыла... мне не следовало бы говорить подобные вещи... теперь, когда его... то есть когда все кончено и... и...

– Кончено и забыто, – подвел черту Эрджайл. – Вся эта история теперь в прошлом. Я пытаюсь – мы все пытаемся – считать, что этот мальчик был инвалидом... неудачником по природе своей. Так, полагаю, будет точнее выразиться. – Он посмотрел на Калгари. – Вы согласны со мной?

– Нет, – возразил тот.

На мгновение воцарилось молчание. Резкое отрицание, прогремев с силой взрыва, повергло в недоумение обоих его собеседников. Пытаясь смягчить произведенный эффект, он со смущением произнес:

– Я... простите меня. Дело в том, что вы еще не знаете обо всем.

– Ах, так! – Эрджайл как будто задумался. Потом повернул голову к дочери. – Эстер, наверное, тебе лучше оставить нас вдвоем...

– Я не намереваюсь никуда уходить! Я должна все выслушать... понять, к чему все это.

– Разговор может оказаться неприятным...

– Какая разница в том, что мог еще натворить Джеко? – нетерпеливо воскликнула Эстер. – Все *кончено*.

Калгари торопливо произнес:

– Прошу вас, поверьте мне – речь идет не о том, что еще мог совершить ваш брат... скорее наоборот.

– Не понимаю...

Дверь в противоположном конце комнаты приотворилась, и из нее появилась молодая женщина, которую Калгари заметил несколько мгновений назад. Теперь на ней было пальто, а в руках – небольшой чемоданчик-дипломат. Она обратилась к Эрджайлу:

– Я ухожу. Какие-нибудь поручения будут?

После недолгих колебаний Эрджайл (ох уж эта вечная нерешительность, подумал Калгари) положил ладонь на ее руку и притянул вперед.

– Садись, Гвенда. Это... э... доктор Калгари. Это мисс Вон, моя... – Он снова погрузился в задумчивость. – Моя секретарша в течение нескольких последних лет. Доктор Калгари прибыл, чтобы сообщить нам – или же спросить – нечто важное про Джеко...

– Чтобы сообщить, – поправил его Калгари. – И, не понимая того, с каждым мгновением вы делаете предстоящее дело все более трудным для меня.

Все трое посмотрели на него с некоторым удивлением, однако в глазах Гвенды Вон он как будто бы успел заметить сверкнувшую искорку понимания. Ну, словно они на мгновение заключили союз, или же если она сказала: «Да, я знаю, какими трудными в общении бывают Эрджайлы».

Вполне привлекательная молодая женщина, решил Артур, пусть и не слишком молодая на самом деле – лет тридцати семи или восьми. Соблазнительные округлости, темные волосы и глаза, признаки общего здоровья и жизненной силы. Она показалась ему одновременно интеллигентной и компетентной особой.

Эрджайл проговорил с легким холодком в голосе:

– Я совершенно не намеревался осложнять ваше дело, доктор Калгари. Подобное не входило в мои намерения. И если вы обратитесь к сути вашего намерения...

– Да, понимаю. Простите меня за то, что я это сказал. Но дело в той настойчивости, с которой вы и ваша дочь твердите, что все закончено... забыто... осталось в прошлом. Это совсем не так. Кто это сказал: *ничто не закончено, пока...*

– *Пока не будет закончено правильно*, – договорила за него мисс Вон. – Это сказал Киплинг³.

Она одобрительно кивнула, и Калгари ощутил благодарность к ней.

– Однако перехожу к делу, – продолжил он. – Когда вы услышите то, что мне придется сказать, вы поймете мою нерешительность. Более того, поймете причины моего волнения. Для начала я должен сказать несколько слов о себе самом. Я – геофизик и недавно был членом антарктической экспедиции. Я возвратился в Англию всего несколько недель назад.

– Вы были в экспедиции Хейса-Бентли? – уточнила Гвенда.

Калгари с благодарностью глянул на нее.

– Да. В экспедиции Хейса-Бентли. Я рассказываю это для того, чтобы объяснить, откуда, так сказать, взялся, а также то, что в течение двух лет находился вне связи с... текущими событиями.

Она снова предложила свою помощь:

– Вы хотите сказать, с такими событиями, как процессы по делам об убийстве?

– Да, мисс Вон, именно это я и имею в виду. – Калгари повернулся к Эрджайлу. – Пожалуйста, простите меня за причиняемую боль, однако я должен сверить с вами некоторые часы и даты. Девятого ноября позапрошлого года, примерно в шесть часов вечера, ваш сын Джек Эрджайл, ваш Джеко, явился в этот дом, где произошел его разговор с его матерью, миссис Эрджайл.

– Да, с моей женой.

– Он сказал ей, что попал в беду, и потребовал денег. Что уже случилось прежде...

– Много раз, – вздохнул Лео.

– Миссис Эрджайл отказала ему. Он вспылил, перешел к угрозам. Наконец бросился вон из комнаты, крикнув, что он еще вернется и вот тогда «ей придется изрядно раскошелиться». Он сказал еще: «Ты хочешь, чтобы меня посадили в тюрьму, так?» И она ответила: «Мне начинает казаться, что это станет для тебя лучшим выходом».

Лео Эрджайл неловко шевельнулся.

– Мы с женой обсуждали все это. Мальчик очень... очень расстраивал нас. Мы то и дело приходили к нему на помощь, старались помочь заново начать жизнь. И нам показалось, что, быть может, потрясение, вызванное пребыванием в тюрьме... станет для него уроком... – Он смолк. – Но, пожалуйста, продолжайте.

– Позже, в тот же самый день ваша жена была убита... убита ударом кочерги. На ней остались отпечатки пальцев вашего сына, а из ящика письменного стола исчезла крупная сумма денег, которую поместила туда ваша жена. Полиция задержала вашего сына в Драймуте. Деньги оказались при нем, по большей части в пятифунтовых купюрах, на одной из которых обнаружили фамилия и адрес, позволившие определить выдавший их банк – тот самый, который утром того же дня выплатил эти деньги миссис Эрджайл. Он был обвинен в убийстве и отдан под суд. – Калгари сделал паузу. – Суд вынес заключение о преднамеренном убийстве.

Оно вышло на свободу – это судьбоносное слово. *Убийство*... слово не звучное, приглушенное, которому суждено увязать в портьерах, книгах, ворсистом ковре... Однако само слово приглушить можно, деяние же – никогда...

³ На самом деле эти строки: «No question is ever settled, Until it is settled right» – принадлежат Элле Уиллер Уилкоккс (1850–1919), американской писательнице и поэтессе.

– Мистер Маршалл в качестве адвоката защиты дал мне понять, что во время ареста ваш сын утверждал собственную невиновность в бодрой и даже самоуверенной манере. Он настаивал на том, что обладает надежным алиби на время убийства, которое, по заключению полиции, произошло между семью и половиной восьмого. В это самое время, по утверждению Джека Эрджайла, он въезжал на попутной машине в Драймут по главной дороге, соединяющей Редмин и Драймут примерно в миле отсюда. Он не сумел разобрать марку машины – было уже темно, – однако запомнил, что ехал в черном или темно-синем седане, за рулем которого находился мужчина средних лет. Были приложены все усилия, чтобы найти эту машину и ее водителя, однако никакого подтверждения его словам найти не удалось, и сами адвокаты пришли к заключению, что всю историю эту юноша придумал в спешке и не слишком удачно... На суде защита придерживалась свидетельства психологов, старавшихся доказать, что Джек Эрджайл всегда был умственно нестабильным человеком. Судья достаточно едко прокомментировал старания защиты и жестко принял сторону обвинения. Джек Эрджайл был приговорен к пожизненному заключению. Он умер от пневмонии в тюрьме по прошествии шести месяцев после начала срока.

Калгари умолк. На него смотрели три пары глаз. В глазах Гвенды Вон читались интерес и внимание, взгляд Эстер по-прежнему не скрывал подозрительности, глаза Лео Эрджайла оставались пустыми.

– Вы подтверждаете, что я точно изложил все события? – спросил Артур.

– Вы абсолютно правы, – промолвил Лео, – хотя я до сих пор не могу понять, зачем вам потребовалось ворошить слишком болезненные для нас факты, которые мы все стараемся забыть.

– Простите меня за это. У меня не было другого выхода. Приговор был именно таким, вы не возражаете?

– Я признаю, что факты были именно такими – то есть, если не входить в рассуждения, речь шла именно об убийстве. Но если все же копнуть глубже, многое можно сказать в оправдание. Мальчик был умственно нестабилен, хотя, к несчастью, и не в легальном понимании этого термина. Правила Макнотена⁴ слишком узки и неудовлетворительны. Уверяю вас, доктор Калгари, что сама Рейчел – то есть моя покойная жена – первой простила бы и извинила опрометчивый поступок несчастного мальчишки. Она была весьма прогрессивным и гуманным человеком, обладала глубоким знанием психологических факторов. Она не стала бы осуждать его.

– Она прекрасно знала, насколько жутко мог вести себя Джеко, – вступила в разговор Эстер. – Он всегда был таким... просто никогда не мог ничего поделать с собой.

– То есть у всех вас, – неторопливо проговорил Калгари, – нет никаких сомнений... никаких сомнений в его вине?

Эстер удивленно посмотрела на него.

– Откуда они могли возникнуть? Конечно, он был виновен в убийстве.

– Только не произноси этого слова – *виновен*, – возразил Лео. – Оно мне не нравится.

– Оно и не соответствует действительности. – Калгари набрал воздуха в грудь. – Джек Эрджайл не был виновен в убийстве!

⁴ Правила психологической экспертизы, установленные в результате процесса над Дэниелом Макнотеном, убившим в 1843 г. Эдварда Драммонда, секретаря премьер-министра Британии Р. Пиля.

Глава 2

Подобное заявление должно было бы потрясти слушателей. Однако оно скорее оставило их равнодушными. Калгари рассчитывал столкнуться с проявлением волнения – невероятного, смешанного с недоверием счастья, – с начавшимися расспросами...

Ничего подобного не последовало. В глазах его собеседников царили недоверие и подозрительность. Гвенда Вон хмурилась. Эстер смотрела на него круглыми глазами. Впрочем, это можно было посчитать естественным – подобное утверждение трудно воспринять с ходу.

Лео Эрджайл нерешительно проговорил:

– Доктор Калгари, вы хотите сказать, что согласны с моей точкой зрения? Вы считаете, что он не отвечал за свои действия?

– Я считаю, что он этого *не делал*! Вы способны это *понять*? Или это вам не по силам? Он не убивал. Он не мог этого сделать. Лишь по чрезвычайно неудачному стечению обстоятельств он не смог *доказать* свою невиновность. Это мог сделать я.

– Вы?

– Это я подвозил его на машине.

Он произнес эти слова настолько просто, что на какое-то мгновение никто не мог поверить своим ушам. Однако прежде, чем собеседники его пришли в себя, течение разговора прервалось. Открылась дверь, и в библиотеку вошла женщина, встречавшая его в прихожей. Она сразу взяла быка за рога.

– Я тут проходила мимо и слышала, как этот человек говорит, что Джеко не убивал миссис Эрджайл. Почему он так говорит? Откуда ему знать?

Лицо ее, только что казавшееся ожесточившимся и воинственным, вдруг дрогнуло.

– Я тоже должна все слышать, – проговорила она жалобным голосом. – Я не могу оставаться снаружи, в полном неведении.

– Конечно же, Кирсти. Вы тоже член семьи. – Лео Эрджайл представил ее: – Мисс Линдстрём, доктор Калгари... Доктор Калгари говорит невероятные вещи.

Шотландское имя Кирсти озадачило Калгари. Женщина превосходно владела английским, однако в голосе ее угадывалась слабая иноземная интонация. Она заговорила полным обвинением тоном:

– Вам не следовало приходить сюда и говорить подобные вещи... нельзя расстраивать людей. Они пережили большое горе. И теперь вы огорчаете их подобными новостями... Все, что случилось, случилось по воле Божьей.

Привычное для такого утверждения самодовольство произвело на Артура неприятное впечатление. «Должно быть, – подумал Калгари, – эта особа принадлежит к числу тех отвратительных людей, которых радует всякое несчастье. Что ж, лишу тебя этого удовольствия».

Он продолжил сухой и быстрой скороговоркой:

– Без пяти семь в тот день я посадил в свой автомобиль молодого человека, голосовавшего на шоссе Редмин – Драймут. Я отвез его до Драймута. Мы разговаривали по пути. Он показался мне симпатичным и обаятельным юношей.

– Джеко, несомненно, обладал особым обаянием, – согласилась Гвенда. – Все находили его привлекательным. Его подводил характер. Да и жизнь испортила его, – задумчиво добавила она. – Однако люди заметили это не сразу.

Мисс Линдстрём повернулась к ней и с возмущением выпалила:

– Нельзя так говорить о мертвых!

Лео Эрджайл несколько резковатым тоном проговорил:

– Прошу вас, доктор Калгари, продолжайте. Что помешало вам вовремя объявиться?

– Да! – Эстер задохнулась от негодования. – Почему вы увильнули... остались в тени? Мы публиковали объявления в газетах. Как вы могли оказаться таким злым, таким эгоистичным...

– Эстер... Эстер... – осадил ее отец. – Доктор Калгари все еще рассказывает нам свою историю.

Калгари посмотрел на девушку в упор.

– Я слишком хорошо понимаю ваши чувства. И знаю, что именно ощущаю... что буду чувствовать до конца своих дней... – Взяв себя в руки, он продолжил: – Итак, в тот вечер движение на дороге было очень оживленным. И я высадил этого неизвестного мне молодого человека в центре Драймута уже много после половины восьмого. Что, как я понимаю, полностью оправдывает его, поскольку полиция совершенно определенно заключила, что убийство было совершено между семью и половиной восьмого.

– Да, – проговорила Эстер. – Но вы...

– Пожалуйста, потерпите. Чтобы вы все поняли, мне придется чуть-чуть вернуться назад. Перед этим я два дня гостил в Драймуте, в квартире моего друга. Сам этот человек, моряк, в это время находился в море. Он также предоставил мне свою машину, которую держал в частном гараже. В тот самый день, девятого ноября, я должен был возвратиться в Лондон. Я решил отправиться вечерним поездом, а днем посетить старую нянюшку, любимицу нашей семьи, жившую в маленьком домике в Полгарте, примерно в сорока милях к западу от Драймута. Свою программу я выполнил.

Уже не крепкая памятью ветхая старушка узнала меня и была очень рада моему посещению... она совершенно разволновалась, потому что прочитала в газетах, что я «отправляюсь на полюс», как она выразилась. Я не стал особо задерживаться у нее, чтобы не утомлять старую женщину, и на обратном пути решил не возвращаться в Драймут по прямой прибрежной дороге, по которой ехал туда, а сделать крюк на север, чтобы посетить старого каноника Пизмарша, в библиотеке которого хранились некоторые очень редкие книги, в частности ранний трактат по навигации, отрывок из которого я хотел скопировать. Почтенный годами джентльмен отказывается заводить в своем доме телефон, который считает дьявольской выдумкой, как, кстати, и радиоприемники, телевизоры, кинофильмы и реактивные самолеты, посему мне приходилось рассчитывать на удачу. Мне не повезло. Дом его был заперт – каноник очевидным образом куда-то отлучился. Какое-то время я провел в кафедральном соборе, а потом повернул назад в Драймут по главной дороге, таким образом, завершая третью сторону треугольника. Я ощущал, что у меня достаточно времени для того, чтобы забрать свой чемодан из квартиры, вернуть автомобиль в гараж и сесть в поезд.

Как я уже говорил, по пути я подобрал незнакомого мне молодого человека и, высадив его в городе, закончил собственную программу. Оказавшись на вокзале, я решил, что располагаю некоторым запасом времени, а потому вышел из вокзала на главную улицу, чтобы купить сигарет. Когда я переходил улицу, из-за угла на скорости выскочил грузовик и сбил меня. Согласно свидетельствам прохожих, я поднялся на ноги целым и вполне нормальным. Сказал, что со мной всё в порядке, что мне нужно успеть на поезд, и поспешил вернуться на вокзал. Но когда поезд прибыл в Паддингтон, я был уже без сознания, и меня на «Скорой» отвезли в госпиталь, где обнаружили, что я получил сотрясение мозга... Полагаю, что подобный запаздывающий эффект не является чем-то необычным.

Когда спустя несколько дней я пришел в себя, оказалось, что я не помню ничего ни о несчастном случае, ни о возвращении в Лондон. Последним, что сохранилось в моей памяти, было посещение моей старой нянюшки в Полгарте. После этого у меня в голове оказалась полная пустота. Меня обнадежили тем, что подобная ситуация не так уж редка. Не было никаких причин предполагать, что эти забытые часы моей жизни имеют какое-то значение.

Никто, ни сам я, ни кто-то еще не мог даже предположить, что я проезжал в тот вечер по дороге Редмин – Драймут.

До моего отбытия из Англии оставалось немного времени. Я оставался в госпитале, в полном покое, без всяких газет. После выписки я немедленно поехал в аэропорт, чтобы отправиться в Австралию и там присоединиться к экспедиции. Существовали некоторые сомнения в том, что я остался физически годным для участия в работах, но вскоре я все уладил. Собственные приготовления и тревоги не позволяли мне тратить время на сообщения об убийствах, ну, а кроме того, после ареста подозреваемого общественное волнение улеглось, и к тому времени, когда дело дошло до суда и начались подробные публикации, я уже находился на пути в Антарктиду.

Калгари умолк. Все молча ожидали продолжения рассказа.

– Открытие мне довелось совершить примерно месяц назад, после возвращения в Англию. Мне потребовались старые газеты для упаковки образцов. И моя хозяйка извлекла стопку таковых из своей кладовки. Расстелив одну из них на столе, я увидел на листе фотографию молодого человека, лицо которого показалось мне знакомым. Я попытался вспомнить, где встречал его и кто он. Мне это не удалось, однако самым странным образом я вспомнил сам разговор с ним – речь шла об угрях. Сага о жизни угря заинтриговала его. Но когда? И где? Я прочитал столбец; оказалось, что молодого человека звали Джеком Эрджайлом, его обвинили в убийстве. Также он сообщал полиции, что его подвозил мужчина в черном седане.

И тут вдруг память об утраченном куске моей жизни разом вернулась ко мне. Это я посадил в машину изображенного на фото молодого человека и довез его до Драймута, расстался с ним в центре города и вернулся в квартиру... перешел через улицу, чтобы купить сигарет. Я вспомнил даже сбивший меня грузовик... но после этого ничего, полная пустота до пробуждения в госпитале: я ничего не помнил о том, как вернулся на вокзал, как ехал в поезде до Лондона. Я читал и перечитывал записку. Суд состоялся больше года назад, дело успели практически забыть. «Это тот самый молодой человек, который прикончил свою мать, – сумела припомнить моя хозяйка. – Не знаю, что там было дальше – наверное, его повесили». Я прочитал газеты за имевшие отношение к делу числа, а потом отправился в контору «Маршалл и Маршалл», осуществлявшую защиту обвиняемого на суде. Там я узнал о том, что опоздал и не смогу освободить несчастного от тюрьмы, так как он умер от пневмонии. И хотя восстановить справедливость в его отношении уже не представлялось возможным, можно было очистить от обвинения его имя. Вместе с мистером Маршаллом мы посетили полицию. Дело доложили государственному обвинителю. Маршалл не сомневался, что тот представит его министру внутренних дел. Конечно, вы получите от него официальное отношение. Он задержался с ним лишь потому, что я хотел первым известить вас. Я ощутил, что это одновременно моя обязанность и испытание, через которое я не могу не пройти. Понимаете ли, я никогда не избавлюсь от ощущения своей вины. Если б только я более внимательно переходил улицу... – Калгари смолк. – Я понимаю, что ваши чувства ко мне не могут быть дружественными – пусть с технической точки зрения я невиновен, – все вы имеете полное право обвинять меня.

Гвенда Вон проговорила с теплой и дружественной интонацией:

– Что вы, нам не в чем винить вас. Просто так вышло... Невероятное, трагичное стечение обстоятельств – и ничего более.

– А там вам поверили? – спросила Эстер.

Калгари с удивлением посмотрел на нее.

– Там, в полиции – поверили вам? Что, если вы все придумали?

Артур против желания улыбнулся.

– Я – очень надежный свидетель, – негромко проговорил он. – У меня нет никакого личного интереса в этом деле, а кроме того, они очень внимательно подошли к расследованию... запросили в Драймуте медицинские и прочие свидетельства. Ну конечно, Маршалл был осторожен, как и положено адвокату. Он не хотел пробуждать в вас надежды до тех пор, пока не будет уверен в успехе.

Шевельнувшись в своем кресле, Лео Эрджайл впервые заговорил:

– Что именно вы имеете в виду под словом «успех»?

– Прошу прощения; действительно, это слово здесь неуместно. Ваш сын был обвинен в преступлении, которого он не совершал, был отдан под суд и осужден... умер в тюрьме. Справедливость в его отношении восстановить невозможно. Однако ошибку правосудия необходимо по возможности исправить. Министр внутренних дел, по всей видимости, посоветует королеве даровать ему полное прощение.

Эстер расхохоталась.

– Прощение за то, чего он не совершал?

– Понимаю. Терминология всегда подводит нас. Однако, насколько я понимаю, обычай требует того, чтобы в Палате общин сделали запрос, из ответа на который будет следовать, что Джек Эрджайл не совершал того преступления, за которое был осужден, и об этом факте будет объявлено в газетах.

Калгари умолк. Все вокруг молчали. Услышанное, по его мнению, явно потрясло присутствующих. Впрочем, потрясение, рассудил он, должно быть радостным.

Артур поднялся на ноги.

– Боюсь, – объявил он нерешительным тоном, – что больше мне сказать нечего... Незачем повторять, насколько мне жаль, что обстоятельства сложились столь неудачно, и снова просить вашего прощения – все это вы уже слышали. Трагедия, окончившая жизнь Джека, омрачила и мою собственную. Но, по крайней мере, – в голосе его прозвучала просьба, – это кое-что значит – знать, что он не совершал свой жуткий поступок, что его имя – ваше имя – будет оправдано в глазах света...

Если он надеялся получить ответ, такового не последовало.

Лео Эрджайл горбился в кресле. Гвенда вглядывалась в его лицо. Эстер смотрела перед собой округлившимися трагическими глазами. Мисс Линдстрём что-то пробурчала себе под нос и покачала головой.

Остановившись в беспомощности у двери, Калгари посмотрел на них.

Ситуацией распорядилась Гвенда Вон. Подойдя к нему, она положила ладонь на его руку и негромко проговорила:

– Уходите, доктор Калгари. Потрясение оказалось слишком сильным для них. Им необходимо время, чтобы прийти в себя.

Кивнув, Артур вышел. На лестничной площадке к нему присоединилась мисс Линдстрём.

– Я выпущу вас, – проговорила она.

Оглянувшись за закрывавшейся дверью, Калгари заметил, что Гвенда Вон опустилась на колени перед креслом Лео Эрджайла, и несколько удивился этому.

Перед ним на площадке караульным застыла мисс Линдстрём, отрывистым тоном проговарившая:

– Вам не вернуть его к жизни. Так зачем же вы обрушили на них все эти переживания? Они уже успокоились, забыли обо всем этом... Теперь они будут страдать. Всегда лучше оставить старые раны в покое.

В голосе ее слышалось неудовольствие.

– Следует восстановить его доброе имя, – возразил Артур Калгари.

– Благие намерения!.. Всегда-то они хороши. Но вы не думаете о том, что все это значит. Мужчины никогда не думают. – Она топнула ногой. – Я люблю их всех. Я пришла сюда в сороковом году, чтобы помочь миссис Эрджайл, – когда она затеяла детский сад для детей, чьи дома были разрушены бомбежкой. Чем их можно было утешить?.. Все делалось ради детей. Это было почти восемнадцать лет назад. Но и теперь, после ее смерти, я остаюсь в этом доме, чтобы приглядывать за ними... следить, чтобы в доме было чисто и уютно, чтобы все хорошо ели. Я люблю их всех – да, я люблю их... и Джеко – пусть он и был безнравственным человеком! О да, я любила его. Пусть он и был негодяем!

Мисс Линдстрём резким шагом направилась прочь. Было похоже, что она забыла о своем намерении проводить его до двери. Калгари неторопливо спускался по лестнице. И когда он возился с непонятным замком на двери, за спиной его на лестнице прозвучали легкие шаги. Это спускалась Эстер. Отодвинув задвижку, она выпустила Калгари из дома. Он остановился, посмотрев на нее в полном недоумении, не понимая, откуда взялся этот трагический и укоризненный взгляд.

– Зачем вы пришли сюда? – проговорила она едва слышным голосом. – Боже, зачем вы это сделали?

Артур беспомощно посмотрел на нее.

– Не понимаю вас. Разве вы не хотите, чтобы память вашего брата очистилась от вины? Не хотите, чтобы в его отношении было восстановлено правосудие?

– Ах, вот оно что – правосудие! – Женщина словно швырнула это слово в лицо Калгари.

– Не понимаю... – повторил он.

– Вам нужно правосудие! Зачем оно теперь Джеко? Он мертв. Теперь важен не Джеко! Не Джеко, а *мы*!

– Что вы хотите сказать?

– Теперь важно не кто виноват. А кто *не* виноват. – Она схватила его за руку, впиалась в нее пальцами. – Теперь значимы мы. Разве вы не понимаете, что именно сделали сейчас со всеми нами?

Он, недоумевая, смотрел на нее.

Снаружи из темноты появилась мужская фигура.

– Вы – доктор Калгари? – проговорил он. – Такси ждет вас, сэр. Чтобы отвезти в Драймут.

– Ох... э... благодарю вас.

Артур вновь повернулся к Эстер, но та уже отступила внутрь дома.

Хлопнула дверь.

Глава 3

I

Откинув с высокого лба темные волосы, Эстер направилась вверх по лестнице. Кирстен Линдстрём поджидала ее наверху.

– Он ушел?

– Да, ушел.

– Ты перенесла шок, Эстер. – Кирстен заботливо опустила ладонь на ее плечо. – Пойдем со мной. Я дам тебе капельку бренди. Вся эта история... это уж слишком.

– Не думаю, что мне хочется бренди, Кирсти.

– Вполне возможно, однако оно тебе поможет.

Молодая девушка, не сопротивляясь, позволила провести себя по коридору в собственную небольшую гостиную мисс Линдстрём и, взяв в руки предложенный ей бокал, неторопливо сделала глоток.

– Как все внезапно произошло, – проговорила полным волнения голосом Кирстен. – А нас следовало предупредить. Почему мистер Маршалл сперва не написал нам?

– Наверное, доктор Калгари не позволил ему это сделать. Он решил лично сообщить нам.

– Ну да, явился и лично сообщил!.. И как, по его мнению, мы должны отнестись к этой новости?

– Мне кажется, – произнесла Эстер странно обесцветившимся голосом, – что, по его мнению, мы должны были обрадоваться.

– Обрадоваться или нет, но он заставил нас испытать потрясение. Этого не следовало делать.

– Однако в известном смысле он продемонстрировал собственную отвагу, – заметила Эстер. Краска прихлынула к ее лицу. – Я хочу сказать, что сделать такое не просто. Прийти в семью осужденного за убийство и умершего в тюрьме человека и сказать, что на самом деле он невиновен... Да, я думаю, что он совершил смелый поступок, однако мне хотелось бы, чтобы он его не совершал, – добавила она.

– Что ж... всем нам хотелось бы этого, – отрывисто бросила мисс Линдстрём.

Эстер посмотрела на нее с внезапно пробудившимся интересом.

– Значит, и вам так кажется, Кирсти? А я думала, что это всего лишь мое мнение...

– Ну я не дура, – резким тоном промолвила мисс Линдстрём. – И могу представить себе некоторые последствия, о которых твой доктор Калгари даже не задумывался.

Эстер поднялась на ноги и проговорила:

– Надо сходить к отцу.

Кирстен Линдстрём одобрила ее намерение:

– Да. У него уже было время как-то обдумать ситуацию.

Когда Эстер вошла в библиотеку, Гвенда Вон разговаривала по телефону. Отец поманил Эстер к себе, и она присела на ручке его кресла.

– Мы пытаемся дозвониться до Мэри и Микки, – проговорил он. – Они должны немедленно всё узнать.

– Алло, – сказала в трубку Гвенда Вон. – Пожалуйста, миссис Дюрран? Мэри? Это Гвенда Вон. С вами хочет поговорить ваш отец.

Подойдя к ней, Лео взял в руку трубку.

– Мэри? Как дела? Как Филип?.. Хорошо. Произошло чрезвычайное событие... Я решил, что тебе нужно немедленно все узнать. У нас только что побывал доктор Калгари. Он привез с собой письмо от Эндрю Маршалла. Оно касается Джеко. Получается – совершенно удивительная вещь! – получается, что Джеко не солгал, рассказывая на суде о том, что в Драймут он приехал на чужом автомобиле. Этот самый доктор Калгари и подвозил его... – Он умолк, прислушиваясь к тому, что его дочь говорила на другом конце линии. – Мэри, я не буду входить в подробности относительно того, что он не объявился вовремя. С ним случился несчастный случай... сотрясение мозга. Рассказ выглядит вполне достоверным. Я звоню тебе, дабы сказать о том, что всем нам нужно как можно скорее собраться у меня. Быть может, мы сумеем пригласить сюда Маршалла и обговорить с ним этот вопрос. Полагаю, что нам необходима самая качественная юридическая консультация. Не могли бы вы с Филипом?.. Да... Да, понимаю. Но, моя дорогая, я действительно считаю, что это *важно*... Да... перезвони мне попозже, если хочешь. А я должен попытаться дозвониться до Микки.

Он положил трубку.

К аппарату подошла Гвенда Вон.

– Так что же, звонить сейчас Микки?

На вопрос ответила Эстер:

– Поскольку на звонок уйдет какое-то время, Гвенда, не разрешите ли мне позвонить первой? Мне надо связаться с Дональдом.

– Ну конечно, – согласился Лео. – Ты же намереваешься встретиться с ним сегодня вечером, так?

– *Собиралась*, – поправила отца Эстер.

Тот подозрительно посмотрел на дочь.

– Неужели все это так расстроило тебя, моя дорогая?

– Не знаю, – отозвалась Эстер. – Понять не могу, что я сейчас чувствую.

Гвенда уступила ей место у телефона, и Эстер набрала номер.

– Будьте добры, позовите доктора Крейга. Да. Да. Это Эстер Эрджайл.

После недолгой паузы она проговорила:

– Это ты, Дональд?.. Знаешь, мне кажется, что я не сумею пойти сегодня с тобой на лекцию... Нет, нет, я не заболела – дело не в этом, просто... ну, просто на нас свалилась довольно странная новость.

Доктор Крейг что-то сказал ей. Эстер повернула голову к отцу и, прикрыв ладонью микрофон, спросила:

– Это же не секрет, не правда ли?

– Нет, – неторопливо проговорил Лео. – Нет, не то чтобы это был секрет, но... я все же попросил бы Дональда пока помалкивать. Сама знаешь, как распространяются слухи, как обрастают преувеличениями...

– Да, понимаю. – Она снова заговорила в трубку: – В известной мере эти новости, Дональд, можно назвать хорошими, и все же они какие-то неуютные. Я не хочу говорить об этом по телефону... Нет-нет, *не приезжай* сюда... Прошу тебя. Не сегодня. Завтра. Это о Джеко. Да-да, о моем брате... просто мы узнали, что он не убивал мою мать... Но, пожалуйста, не говори ничего, Дональд, и никому не рассказывай. Я все тебе расскажу завтра... Нет, Дональд, *нет*... Сегодня вечером я просто не в состоянии кого-либо видеть... даже тебя. Пожалуйста. И не говори ничего.

Опустив трубку, она передала очередь Гвенде. Та вызвала Драймут.

– Эстер, – негромко проговорил Лео, – почему бы тебе не сходить на лекцию вместе с Дональдом? Отвлечешься от неприятных мыслей.

– Не хочу, папа. И не могу.

– Судя по твоим словам, ты создала у него впечатление, что известия неблагоприятны. Впрочем, Эстер, ты понимаешь, что это не так. Просто мы были ошеломлены. Но теперь все мы рады... очень рады... А как же иначе?

– Значит, так нам надлежит говорить?

– Моя дорогая девочка... – осадил ее Лео.

– Но ведь это совсем не так? – проговорила Эстер. – Такую новость нельзя назвать хорошей. Она ужасна... огорчительна.

– Микки на линии, – проговорила Гвенда.

Лео снова подошел к ней и взял трубку. Он разговаривал с сыном в той же тональности, что и с дочерью. Однако тот воспринял известие совершенно не так, как Мэри Дюрран: не протестовал, не удивлялся, не проявлял недоверия. Но отреагировал сразу.

– Что за чертовщина! – проговорил в трубке голос Микки. – После всего этого? Нашелся свидетель?.. Ну что ж, счастье в ту ночь оставило Джеко.

Лео заговорил снова. Микки слушал.

– Да, – произнес он, – я согласен с тобой. Нам нужно как можно скорее собраться вместе и пригласить на совет Маршалла.

Неожиданно Микки коротко хохотнул, издав смешок, который Лео часто слышал от маленького мальчика, игравшего в саду под окном.

– В чем, собственно, теперь вопрос? – проговорил он. – *Кто из нас это сделал?*

Лео бросил трубку и отодвинулся от телефона.

– И что он сказал? – спросила Гвенда.

Лео ответил.

– На мой взгляд, это глупая шутка, – проговорила Гвенда.

Лео коротко глянул на нее и задумчиво произнес:

– Быть может, это была не совсем шутка.

II

Мэри Дюрран пересекла комнату и подобрала возле вазы опавшие лепестки хризантем, после чего аккуратно отправила их в мусорную корзину. Эта высокая, невозмутимая с виду женщина лет двадцати семи, хотя на лице ее не было морщин, тем не менее казалась старше своих лет – возможно, благодаря спокойной зрелости, казавшейся частью ее внешности. Она выглядела хорошенькой, но без нотки очарования. Правильные черты лица, чистая кожа, яркие голубые глаза. Светлые волосы были зачесаны на затылок и завязаны там пучком; прическа эта, по случаю, как раз была в моде, однако причесывалась она так совсем не по этой причине. Эта женщина всегда придерживалась собственного стиля. Внешность ее была подобием собственного дома: опрятной и ухоженной. Всякая пыль, любой беспорядок смущали ее.

Сидевший в инвалидной коляске мужчина проследил за тем, как она убирала опавшие лепестки, и, пожалуй, криво улыбнулся.

– Прежняя аккуратистка. Всё на своем месте, и для всего есть свое место.

Он усмехнулся – не без едкой нотки. Однако Мэри Дюрран сохраняла спокойствие.

– Люблю, когда всё в порядке, – согласилась она. – А знаешь, Фил, тебе и самому не понравилось бы, если б дома царил хаос.

Муж ее произнес с ноткой горечи:

– Что же, во всяком случае, я не имею возможности навести здесь хаос.

Вскоре после свадьбы Филип Дюрран заболел паралитической разновидностью полиомиелита. И в глазах обожавшей его Мэри сделался не только мужем, но и ребенком. Подчас ее собственническая любовь несколько смущала его. Его жене не хватало воображения, чтобы понять, как то удовольствие, которое она получает от его несамостоятельности, подчас раздражает его.

Он заторопился со словами, словно бы опасаясь проявления симпатии или сочувствия с ее стороны.

– Должен сказать, что эта новость, полученная от твоего отца, просто неопишима! После всего этого времени!.. Как ты можешь сохранять спокойствие?

– Наверное, я никак не могу принять ее. Это так необычно... Сначала я просто не могла поверить словам отца. Если б звонила Эстер, я скорее подумала бы, что она все выдумала. Ну ты же знаешь, какова Эстер.

Часть горечи оставила лицо Филипа Дюррана.

– Неистовая и страстная особа, вечно ищущая неприятностей на свою голову и находящая их, – негромко проговорил он.

Мэри отмахнулась. Чужие выводы не интересовали ее. Она с сомнением произнесла:

– Хотелось бы знать, *правда* ли это? Тебе не кажется, что этот человек мог все придумать?

– В качестве рассеянного ученого? Было бы приятно так думать, – ответил Филип, – но похоже, что Эндрю Маршалл воспринял его слова серьезно. А «Маршалл и Маршалл» – фирма не из доверчивых, надо тебе сказать.

Мэри Дюрран нахмурилась.

– Но что это на самом деле *означает*, Фил?

– Это означает, что Джеко будет полностью оправдан. То есть если власти будут удовлетворены, – и, насколько я понимаю, ничего другого быть не может.

– Ну, хорошо, – Мэри слегка вздохнула, – значит, все и в самом деле очень *хорошо*.

Филип Дюрран снова рассмеялся с прежней едкой горечью.

– Полли! – воскликнул он. – Ты меня погубишь.

Именем Полли звал Мэри Дюрран только собственный муж. Имя это самым абсурдным образом не гармонировало с ее скульптурной внешностью. Она посмотрела на Филипа с некоторым удивлением.

– Не понимаю, чем мои слова могли так развеселить тебя.

– Ну, ты вела себя абсолютно изящно! – заявил Филип. – Прямо благородная леди на распродаже рукоделья какого-нибудь деревенского института.

Мэри с некоторым недоумением произнесла:

– Но все *действительно* очень хорошо! Согласись, не слишком приятно иметь убийцу в своей семье.

– Ну, не совсем в своей...

– Знаешь, на самом деле это одно и то же. То есть вся эта история оказалась очень неприятной и неудобной. Все окружающие любопытствовали до неприличия. Мне было так противно...

– Ты великолепно справлялась с ситуацией, – проговорил Филип. – Замораживала знакомых ледяным взглядом своих синих глаз, после чего те затыкались и им становилось стыдно. Просто удивительно, как тебе удастся никогда не обнаруживать своих чувств.

– Вся эта история была мне крайне неприятна. Точнее сказать, отвратительна, – проговорила Мэри Дюрран. – Однако в конце концов он умер, и все закончилось. А теперь... теперь, надо думать, ее разворошат снова. Утомительная перспектива.

– Да, – задумчиво промолвил Филип Дюрран, чуть шевельнув плечами, отчего по лицу его пробежала болезненная гримаса.

Жена торопливо подошла к нему.

– У тебя спина затекла? Подожди. Дай-ка я переложу подушку. Вот так. Теперь лучше?

– Тебе следовало работать в госпитале сиделкой, – проговорил Филип.

– Не испытываю никакого желания заботиться о разных там людях. Только о тебе. – Сказано это было очень просто, однако с несомненно глубоким чувством, проступавшим под словами.

Зазвонил телефон, и Мэри подошла к аппарату.

– Алло... да... слушаю... Ах, это ты... Это Микки, – бросила она в сторону Филипа. – Да... да, мы слышали. Папа звонил... Ну конечно... Да... Да... Филип говорит, что если адвокаты будут удовлетворены, все будет в порядке... В самом деле, Микки, не понимаю, почему ты так расстроен... Никогда не считала себя особо тупой... В самом деле, Микки... ты, наверное... Алло?... Алло?... – Мэри сердито нахмурилась. – Он бросил трубку. – Она аккуратно опустила трубку на аппарат. – Вот что, Филип, я не могу понять Микки.

– И что же он в точности сказал?

– Знаешь, он был в таком состоянии... Обозвал меня тупицей, сказал, что я не понимаю... последствий. Будет крупный скандал, так он сказал. Но почему? Не понимаю.

– Перетрусил, наверное? – задумчиво проговорил Филип.

– Но с чего вдруг?

– А знаешь, он прав. Последствия будут.

Мэри чуть взволновалась.

– Ты хочешь сказать, что интерес к этому делу снова оживет? Конечно, я рада тому, что Джеко оправдан, однако будет неприятно, если люди снова начнут полоскать наше белье.

– Дело не только в том, что скажут соседи. Одним этим не ограничится.

Она вопросительно посмотрела на мужа.

– Заинтересуется и полиция!

– *Полиция?* – резким тоном бросила Мэри. – Она-то здесь при чем?

– Моя дорогая девочка, *подумай* наконец.

Мэри неторопливо подошла к нему и опустилась рядом.

- Теперь преступление снова сделалось нераскрытым, – проговорил Филип.
- Но зачем им поднимать всю историю заново... после всего прошедшего времени?
- Превосходный образчик благого пожелания – ни на чем не основанного, однако.
- Но конечно же, – проговорила Мэри, – проявив подобную глупость – допустив эту ужасную ошибку в отношении Джеко, – они, должно быть, не захотят ворошить прошлое?
- Возможно, и не захотят, однако придется! Служебный долг требует.
- Ох, Филип, я уверена в том, что ты ошибаешься. Опять пойдут разговоры, а потом все успокоится.
- И мы снова заживем дружно и счастливо, – с легкой ехидцей заметил он.
- А почему нет?
- Филип качнул головой.
- Все не так просто... Твой отец прав. Надо собраться всем вместе и посоветоваться. Залучив к себе Маршалла.
- Ты хочешь сказать, надо поехать в «Солнечный мыс»?
- Да.
- Но мы не в состоянии это сделать.
- Почему же?
- Это нереально. Ты – инвалид и...
- Я не инвалид, – раздраженным тоном ответил Филип. – Я вполне силен и здоров. Просто мне отказали ноги. И при наличии подходящего транспорта могу доехать до какого-нибудь Тимбукту.
- А я считаю, что тебе вредно ездить в «Солнечный мыс». Притом что вновь возникло это неприятное дело...
- Но голова моя осталась в порядке.
- И потом, я не вижу, как мы можем оставить дом. В последнее время было так много случаев взлома...
- Пригласи кого-нибудь переночевать.
- Тебе просто сказать это – будто легче нет ничего на свете.
- Эта старая миссис... как ее там, может приходить каждый день. И прекрати этот спор на уровне домашней хозяйки, Полли. На самом деле это ты не хочешь никуда ездить.
- Правильно, не хочу.
- Долго быть там нам не придется, – ободрил жену Филип. – Но, на мой взгляд, ехать необходимо. В такой ситуации семья должна сплотиться перед лицом остального мира. Необходимо в точности выяснить положение дел.

III

Вернувшись в Драймут, в гостиницу, Калгари рано отобедал и вернулся в свой номер. Визит в «Солнечный мыс» произвел на него глубокое впечатление. Он ожидал, что новость произведет болезненный эффект, что заставило его заранее собрать в кулак всю свою решимость. Однако откровение оказалось мучительным и тягостным – совершенно не в той манере, которую он ожидал. Повалившись на кровать, Артур раскурил сигарету и принялся прокручивать в уме ситуацию – снова и снова.

Конечно же, самым ярким впечатлением стало лицо Эстер, каким оно было в момент прощания. Это презрительное отвержение его устремления к справедливости! Как это там она сказала? «Теперь важно, не кто виноват, а кто *не* виноват». И потом: «Разве вы не понимаете, что именно сделали сейчас со всеми нами?» Но что такое он сделал? Калгари не понимал этого.

И все прочие... Женщина, которую они звали Кирсти (с какой стати, к слову? Кирсти – шотландское имя, но она не шотландка – датчанка, а быть может, норвежка). Так почему же она разговаривала с ним столь жестким... столь обвинительным тоном?

Нечто странное было и в поведении Лео Эрджайла – отстраненное выжидание. Никаких «слава богу, мой сын невиновен!», что следовало бы счесть естественной реакцией!

И эта девушка... девушка, исполнявшая обязанности секретаря Лео. Услужливая, любезная. Однако и она отреагировала странным образом. Калгари вспомнил, как она опустилась на колени перед креслом Эрджайла. Словно бы... словно бы... она сочувствовала ему, утешала его. Утешала? Но в чем? В том, что сын его не был виновен в убийстве? И конечно... да, конечно... чувства в этом движении было больше, чем положено секретарю – даже отработавшему на своем месте несколько лет... так *в чем же*, собственно дело? Почему они...

Зазвонил телефон на столике возле его кровати. Артур поднял трубку.

– Алло?

– Доктор Калгари? Вас тут спрашивают.

– Меня? – Он был удивлен. Насколько ему было известно, о том, что он ночует в Драймуте, не знал никто.

После недолгой паузы клерк ответил:

– Это мистер Эрджайл.

– О? Скажите ему... – Артур осекся, осознав, что готов спуститься вниз. Если по какой-то причине Лео Эрджайл последовал за ним в Драймут, сумел узнать, где он остановился, тогда вопрос будет слишком серьезным для того, чтобы обсуждать его внизу, в людной гостиной. – Попросите его подняться в мой номер, пожалуйста.

Калгари поднялся с постели и принялся ходить взад-вперед. Наконец в дверь постучали. Подойдя к двери, он открыл ее.

– Входите, мистер Эрджайл, я...

И в удивлении остановился. Перед ним стоял не Лео Эрджайл – а молодой человек, едва разменявший второй десяток, на загорелом, симпатичном лице которого осталась печать горечи – на беспечном, сердитом и несчастном лице.

– Не ожидали увидеть меня, – проговорил молодой человек. – Ждали моего отца. Я – Майкл Эрджайл.

– Входите. – Калгари закрыл дверь за спиной своего гостя. – Каким образом вы сумели найти меня? – спросил он, предложив молодому человеку сигарету из пачки.

Взяв сигарету, Майкл Эрджайл издал короткий и неприятный смешок.

– Ну, это было несложно! Надо было всего-то позвонить в основные отели на тот случай, если вы решили заночевать. Угадал со второй попытки.

– А зачем вы захотели встретиться со мной?

Майкл Эрджайл неспешно проговорил:

– Надо было посмотреть, что вы за человек...

Он окинул Калгари внимательным взглядом, отметив чуть поникшие плечи, седеющие волосы, тонкое чувствительное лицо.

– Итак, вы из тех, кто ездил с экспедицией на полюс... С виду не скажешь, что вы такой крепкий.

Артур чуть улыбнулся.

– Внешность может оказаться обманчивой. Здоровья мне хватило. Там нужна не столько физическая сила, как другие важные качества: выносливость, терпение, технические знания.

– Сколько вам лет, сорок пять?

– Тридцать восемь.

– Вы кажетесь старше.

– Да... да, наверное, вы правы. – На мгновение на него накатила мучительная печаль, вызванная юным нахальством смотревшего на него молодого человека, и он спросил несколько более резко, чем следовало бы: – Так зачем вы хотели видеть меня?

Гость нахмурился.

– Вполне естественное желание, не правда ли? После тех новостей, с которыми вы явились... О моем дорогом брате.

Калгари не ответил, и Майкл Эрджайл продолжил:

– Только явились вы с ними несколько поздно, если посмотреть с его точки зрения, не так ли?

– Да, – негромко произнес Калгари. – Весть моя запоздала.

– И что же вы так долго молчали? Что это за сотрясение с вами случилось?

Калгари терпеливо повторил свой рассказ. Как ни странно, грубость юноши ободряла его. Хотя бы сейчас он имел дело с человеком, равнодушным к своему брату.

– Итак, Джеко получает алиби, в этом вся история, правда? А вы уверены в том, что время было именно такое, как говорите?

– Абсолютно уверен, – твердым тоном проговорил Калгари.

– Но вы могли и ошибиться. Ваша братия, эти ученые, склонна к рассеянности в отношении таких мелочей, как время и место.

Калгари чуть усмехнулся.

– Это вы читались фантастики, с ее рассеянными профессорами в рваных носках, не соображающими, ни который сейчас час, ни где они находятся. Дорогой мой молодой человек, работа инженера требует великой точности в отношении величин, времени и расчетов. Заверяю вас в том, что я просто не могу допустить ошибку. Я посадил вашего брата незадолго до семи и посадил его в Драймуте через пять минут после половины восьмого.

– Ваши часы могли идти неправильно. Или же вы ориентировались по автомобильным часам.

– Мои наручные часы и часы в автомобиле были в точности синхронизированы.

– Джеко мог каким-то образом одурачить вас. Он был такой фокусник...

– Он не финтил. Но почему вы так стараетесь доказать, что я ошибся? – с некоторым жаром продолжил Калгари. – Я рассчитывал на то, что будет трудно убедить власти в том, что они несправедливо осудили человека, но никак не ожидал, что будет так трудно убедить в том же его семью!

– Итак, оказалось, что вам было трудно убедить всех нас?

– Реакция показалась мне несколько... необычной.

Микки внимательно смотрел на него.

– Они не хотели поверить вам?

– Да... казалось почти что так...

– Не только казалось. Так оно и было. Вполне естественно, на мой взгляд, если задуматься.

– Но почему? Почему вы считаете это естественным? Убита ваша мать. Ваш брат обвинен в убийстве и осужден за него. Теперь оказывается, что он невиновен. Вы должны радоваться... благодарить. Это же ваш брат.

– Он не был мне братом, – ответил Микки. – А она – матерью.

– Что?

– Разве никто вам этого не сказал? Мы все приемные. Все до единого. Начиная с Мэри, моей старшей «сестры», которую удочерили в Нью-Йорке. Остальных приняли в семью во время войны. Моя «мать», как вы ее называете, не могла иметь своих детей, поэтому она завела себе скромный выводок приемных детей. Мэри, я, Тина, Эстер, Джеко. Уютный и ласковый дом с целым морем материнской любви! Я бы сказал, что в конце концов она забыла о том, что мы не ее родные дети. Однако она промахнулась, когда взяла в свои «милые мальчики» Джеко.

– Я не имел представления об этом, – проговорил Калгари.

– Так что перестаньте тыкать мне в лицо этими самыми «ваша мать»... «ваш брат»... Джеко был настоящей вошью!

– Но не убийцей же, – энергично возразил Калгари.

Микки посмотрел на него и кивнул:

– Ну хорошо. Раз вы так говорите и не хотите отказываться от своих слов... *Тогда кто же убил ее на самом деле?* Об этом вы не подумали? Займитесь теперь этим на досуге. Подумайте... и тогда, быть может, поймете, что сделали со всеми нами...

Он резко развернулся и вышел из комнаты.

Глава 4

– Рад вашему согласию еще раз принять меня, мистер Маршалл, – сконфуженно произнес Калгари.

– Не стоит благодарности, – проговорил адвокат.

– Как вам известно, я посетил «Солнечный мыс» и встретился с родными Джека Эрджайла.

– Несомненно.

– Полагаю, что вам уже известно о моем визите?

– Да, доктор Калгари, именно так.

– Возможно, вам будет трудно понять, почему я вновь попросил вас принять меня... видите ли, дело приняло такой оборот, какого я не ожидал.

– Нет, – возразил адвокат, – нет, едва ли.

Голос его, как всегда, сухой и бесстрастный, тем не менее ободрил Артура Калгари и как бы предложил ему продолжать.

– Видите ли, – продолжил тот, – я думал, что на этом все закончится. Я был готов к некоторой, скажем так, естественной укоризне с их стороны. Хотя перенесенное мной сотрясение мозга можно назвать форс-мажорным обстоятельством, любые упреки с их стороны были бы вполне простительны. Однако в то же самое время я надеялся, что ее смягчит благодарность за то, что имя Джека Эрджайла очищено от подозрений. Однако все вышло совершенно по-другому. Совершенно.

– Понимаю.

– Возможно, мистер Маршалл, вы предвидели кое-что из того, что произошло? Насколько я помню, ваша манера озадачила меня во время предыдущего визита. Наверное, вы заранее *предполагали*, какой именно прием меня ожидает?

– Доктор Калгари, вы еще не сказали мне, с каким именно приемом встретились.

Артур Калгари подвинулся вперед вместе с креслом.

– Я думал, что *заканчиваю* некий этап, так сказать, завершаю уже написанную главу новой концовкой. Но меня заставили почувствовать, заставили *увидеть*, что вместо завершения я полагаю начало. Начинаю нечто совершенно новое. Как, по-вашему, это достаточно точное определение их позиции?

Мистер Маршалл неторопливо качнул головой.

– Да, – проговорил он, – можно сказать и таким образом. Признаюсь, я думал, что вы не понимаете всех последствий. И трудно было ожидать этого от вас, поскольку вы, естественным образом, были знакомы с подоплекой дела и фактами только по официальным отчетам.

– Да-да. Теперь я это понимаю. Причем слишком ясно. – Артур в волнении возвысил голос: – Они не почувствовали облегчения, они не ощутили благодарности. Они смутились, ужаснувшись того, что им теперь предстоит пережить. Я прав?

– Я вполне допускаю, что вы можете оказаться правы, – осторожно проговорил Маршалл. – Учтите, я говорю это, не исходя из собственного мнения.

– А раз так, – продолжил Калгари, – я чувствую, что не вправе вернуться к своей работе, ограничившись одними извинениями. Я по-прежнему вовлечен в это дело. На меня легла ответственность за этот новый фактор, который я внес в жизнь целой семьи. Я *не имею* права просто умыть руки.

Адвокат осторожно кашлянул.

– На мой взгляд, достаточно странная точка зрения, доктор Калгари.

– Не думаю... вы не совсем правы. Человек должен нести ответственность за свои действия, и не только за *действия*, но и за *результаты* их следствий. Всего два года назад я

подвез до города одного молодого человека. И своим поступком начал некую цепь событий. И теперь мне кажется, что я не имею права отстраниться от этих событий.

Адвокат укоризненно качнул головой.

– Пусть, – нетерпеливым тоном проговорил Артур Калгари. – Зовите мое желание странным. Однако здесь дело в моих чувствах, моей совести. Я хочу только исправить то, что не имел возможности предотвратить. Я не сумел извиниться. В известном смысле я только усложнил жизнь и без того немало перестрадавшим людям. Но *почему* так получилось, я до сих пор не могу понять.

– Ну, – неторопливо проговорил Маршалл, – это, пожалуй, понятно. В течение последних примерно восемнадцати месяцев вы были отрезаны от цивилизации. Вы не читали ежедневных газет, не знаете, что говорилось в прессе об этой семье. Возможно, вы в любом случае не стали бы читать эти материалы, но, на мой взгляд, не смогли бы *не слышать* о них. Факты, доктор Калгари, очень просты. И отнюдь не конфиденциальны. В свое время об этом открыто говорилось в прессе. И сводятся они к очень простой картине. Если Джек Эрджайл не совершал преступления – а судя по вашему утверждению, он не мог этого сделать, – *тогда кто же его совершил?* Что возвращает нас обратно к обстоятельствам, в которых было совершено преступление. Оно произошло ноябрьским вечером в промежутке между семью и половиной восьмого в доме, где, кроме убитой, находились только члены семьи и прислуга. Двери и окна дома были надежно заперты, и если кто-то попал в него извне, значит, его или впустила сама миссис Эрджайл, или же он воспользовался собственным ключом. Иными словами, она должна была знать этого человека. В некоторых отношениях ситуация напоминает имевшее место в Америке дело об убийстве Борденов, когда мистера Бордена с женой воскресным утром зарубили топором. Никто в доме ничего не слышал, никого около дома не видели... Теперь вы понимаете, доктор Калгари, почему члены семьи были скорее расстроены, чем обрадованы принесенной вами новостью?

– Вы хотите сказать, – неторопливо проговорил Артур, – что они предпочли бы считать Джека Эрджайла виновным?

– Ну конечно, – ответил Маршалл. – Конечно, и без всяких сомнений. Если позволите мне некоторый цинизм, личность Джека Эрджайла идеальным образом объясняла неприятный факт убийства в семье. В детстве он был проблемным ребенком, в юности обнаруживал преступные наклонности, в зрелом возрасте – необузданный темперамент. В семейном кругу всему этому, возможно – даже обязательно, – находили какие-то извинения. Его могли оплакивать, ему могли симпатизировать, могли твердить себе самим, друг другу и всему миру, что сам он *на деле* ни в чем не виноват, что придут психологи и все объяснят! Очень, очень и очень удобная позиция.

– И теперь... – Калгари умолк.

– И теперь, – сказал мистер Маршалл, – ситуация приняла совершенно другой облик. Совершенно другой. Пожалуй, даже пугающий.

Калгари полным откровенности тоном проговорил:

– Значит, принесенная мной новость была неприятна и для вас, так?

– Вынужден признать это. Да. Да, честно признаю, что я был... расстроен. Дело, вполне благополучно закрытое – да, я действительно вправе воспользоваться словом «благополучно», – теперь открывается заново.

– Вы говорите это как официальное лицо? – спросил Артур. – То есть с точки зрения полиции дело будет открыто заново?

– О, вне сомнения, – отозвался Маршалл. – Когда Джек Эрджайл был признан виновным под тяжестью непреодолимых улик – присяжные выходили из зала всего на четверть часа, – с точки зрения полиции это стало завершением дела. Но теперь, при условии полного посмертного помилования, дело открывается заново.

– И полиция вновь приступит к расследованию?

– Я бы сказал, почти непременно. Конечно, – добавил Маршалл, задумчиво потирая подбородок, – учитывая обстоятельства дела и прошедшее время, сомнительно, что они сумеют добиться какого-либо результата... Со своей стороны, я бы усомнился в этом. Они могут прийти к выводу, что виновен один из тех, кто находился в доме. Они могут даже выдвинуть весьма остроумное предположение о том, кто мог это сделать. Однако добыть определенные улики будет нелегко.

– Понимаю, – проговорил Калгари. – Понимаю... Да, именно это она и имела в виду.

– О ком вы говорите? – резким тоном спросил адвокат.

– О девушке, – ответил Калгари. – Об Эстер Эрджайл.

– Ах да. Молодая Эстер... – Уже с любопытством Маршалл спросил: – И что же она вам сказала?

– Она говорила о невинных, – ответил Калгари. – Сказала, что теперь важно не кто виноват, а кто не виноват. Теперь я понимаю, что она хотела сказать...

Маршалл бросил в его сторону пронзительный взгляд.

– Готов допустить это.

– Она имела в виду именно то, о чем вы говорили, – сказал Артур Калгари. – Она подразумевала, что теперь вся семья снова окажется под подозрением...

Маршалл перебил его:

– Снова – не то слово. На самом деле семья *никогда* прежде не попадала под подозрение. Джек Эрджайл с самого начала был самым очевидным подозреваемым.

Калгари отмахнулся.

– Семья окажется под подозрением и может надолго, а то и навсегда остаться под подозрением. Если виновен один из членов семьи, возможно, что они и сами не знают, кто именно. Они будут смотреть друг на друга и... гадать. Да, это и есть самое худшее. Они и сами не будут знать, кто *именно*...

Воцарилось молчание. Маршалл посмотрел на Калгари спокойным и оценивающим взглядом, однако ничего не сказал.

– Как это ужасно... – проговорил Артур. На его узком и чувствительном лице разыгралась настоящая буря чувств. – Да, это ужасно... жить год за годом, смотреть на друг друга, ощущать, как подозрение влияет на взаимоотношения... разрушает любовь, разрушает доверие...

Маршалл кашлянул.

– А вы... э... не сгущаете краски?

– Нет, – возразил Калгари. – Не думаю... едва ли. Простите меня, мистер Маршалл, но мне кажется, что в данном случае я вижу последствия яснее вас. Понимаете ли, я могу представить себе, к чему все это способно привести.

Снова воцарилось молчание.

– Это означает, – продолжил Артур, – что страдать будут невинные... А они не должны страдать. Страдать должны виновные. Вот почему... вот почему я не могу сейчас умыть руки. Я *не могу* отойти в сторону и сказать: «Я поступил правильно, я принес свои извинения, я послужил правосудию», – потому что, как вы понимаете, своим поступком я не послужил делу правосудия. Моя откровенность не послужила осуждению виновного, она не избавила невинного от тени подозрения.

– Мне думается, что вы слишком накручиваете себя, доктор Калгари. В ваших словах, вне всякого сомнения, есть доля истины, но я пока не вижу, что... ну что вы сможете сделать с ней.

– Да. И я тоже, – не стал возражать Артур. – Однако на самом деле это значит, что я обязан попробовать. И именно поэтому я пришел к вам, мистер Маршалл. Я хочу – думаю, что я имею на это право – знать всю подоплеку.

– Ну хорошо, – уже более оживленным тоном произнес адвокат. – В ней нет никакого секрета. Я могу предоставить вам любые *факты*, которые вы захотите узнать. Ничего, кроме фактов, предоставить вам я не имею права. Я никогда не состоял в сколько-нибудь близких отношениях с этой семьей. Наша фирма в течение ряда лет защищала интересы миссис Эрджайл. Мы сотрудничали с ней в части учреждения разнообразных фондов и юридических операций. Лично миссис Эрджайл я знал достаточно неплохо. Я также знаком с ее мужем. Об атмосфере в «Солнечном мысе», о темпераменте и характере населявших этот дом людей я знаю, так сказать, опосредованно, из уст самой миссис Эрджайл.

– Я вполне понимаю все это, – проговорил Калгари, – однако мне необходимо с чего-то начать. Насколько я понимаю, дети были не ее собственными, а приемными?

– Да. Миссис Эрджайл была урожденной Рейчел Констам, единственной дочерью Рудольфа Констама, очень богатого человека. Мать ее была американкой и также очень богатой женщиной. Рудольф Констам был склонен к филантропии и воспитал в своей дочери интерес к делам милосердия. Они с женой погибли в авиационной катастрофе, и Рейчел употребила значительное состояние, полученное от отца и матери, скажем так, на филантропические предприятия. Она делала личные пожертвования и благодеяния и сама исполняла часть согласований. За этими делами она познакомилась с Лео Эрджайлом, тогда преподававшим в Оксфорде и интересовавшимся экономикой и социальными реформами. Чтобы понять миссис Эрджайл, нужно учесть ее личную трагедию, заключавшуюся в том, что она не могла иметь детей. Как бывает со многими женщинами, эта неспособность постепенно замутила течение всей ее жизни. Когда визиты ко всем и всяким специалистам дали понять, что на материнство никакой надежды у нее нет, ей пришлось искать возможную компенсацию. Первую девочку она взяла из нью-йоркской трущобы – нынешнюю миссис Дюрран... Миссис Эрджайл всецело посвятила себя детской филантропии. После начала войны, в тридцать девятом году, по благословению министерства здравоохранения она учредила нечто вроде детского сада, для чего приобрела тот дом, который вы посетили, – «Солнечный мыс».

– Тогда это место называли Гадючьим мысом, – заметил Калгари.

– Да. Да, кажется, так его называли первоначально. И потому она выбрала для дома более благопристойное, с ее точки зрения, имя – «Солнечный мыс». В сороковом году у нее жили двенадцать-шестнадцать детей, по большей части имевших неудачных опекунов или же не имевших возможности эвакуироваться вместе со своими семьями. Для этих детей делалось все, они жили в роскоши. Я спорил с ней, указывал, что после нескольких лет войны детям будет трудно возвращаться из этой роскоши в свои дома. Она не прислушивалась ко мне. Миссис Эрджайл была глубоко привязана к детям и в итоге решила принять некоторых из них – особенно неблагополучных или сирот – в собственную семью. Так возникла семья из пяти детей. Мэри, которая теперь замужем за Филипом Дюрраном; Майкл, который работает в Драймуте, полукровка Тина, Эстер и, конечно же, Джеко. Они росли, считая Эрджайлов своими отцом и матерью. Им дали наилучшее образование, которое можно получить за деньги. Если среда действительно много значит, они могли бы пойти далеко. Они, безусловно, имели все мыслимые преимущества. Джек – или Джеко, как они его звали, – всегда был паршивой овцой. Он украл деньги в школе, и его пришлось забрать оттуда. Уже на первом курсе университета он вляпался в неприятности. И два раза едва избегал тюремного заключения. У него всегда был неуправляемый темперамент. Все это, однако, вы уже могли узнать самостоятельно. Два раза Эрджайлам пришлось возмещать его растраты. Дважды они вкладывали для него деньги в бизнес. Оба раза эти предприятия разорялись. А после смерти было выплачено и до сих пор выплачивается пособие его вдове.

Калгари в удивлении подался вперед.

– Его *вдове*? Никто до сих пор не говорил мне о том, что он был женат.

– Боже, боже... – Адвокат недовольно прищелкнул пальцем. – Я впал в рассеянность. И просто забыл о том, что вы не читали газетных отчетов о ходе процесса. Должен сказать, что никто из семейства Эрджайлов не имел ни малейшего представления о том, что он женат. Супруга его в великом расстройстве явилась в «Солнечный мыс» сразу же после ареста Джеко. Мистер Эрджайл был очень добр к ней. Эта молодая женщина работала платной танцевальной партнершей в драймутском «Пале-де-Данс». Должно быть, я забыл сказать вам о ней, потому что она снова выскочила замуж уже через несколько недель после смерти Джека. Ее нынешний муж работает электриком, как мне кажется, в Драймуте.

– Мне следует повидаться с ней, – проговорил Калгари и добавил с укором себе самому: – Мне следовало в первую очередь посетить именно ее.

– Конечно, конечно. Я предоставлю вам адрес. И в самом деле, не могу понять, по какой причине не упомянул вам о ней при прошлом нашем свидании.

Артур промолчал.

– Она была... ну, скажем так... незначимым фактором, – с извинением в голосе произнес адвокат. – Даже газеты не уделяли ей особенного внимания – она ни разу не навестила своего мужа в тюрьме... да и вообще не проявила к нему в дальнейшем никакого интереса...

Калгари погрузился в размышления и наконец проговорил:

– А не могли бы вы сказать мне, кто именно находился в доме в тот вечер, когда была убита миссис Эрджайл?

Маршалл бросил на него острый взгляд.

– Сам Лео Эрджайл, конечно, и его младшая дочь Эстер. Мэри Дюрран вместе со своим мужем-инвалидом также гостила в доме; он как раз только что вышел из госпиталя. Кроме того, Кирстен Линдстрём – должно быть, вы уже встречали ее, – она шведка, дипломированная медсестра и массажистка, первоначально помогавшая миссис Эрджайл с ее детским садом... она осталась и после его закрытия. Майкла и Тины там не было – Майкл продает автомобили в Драймуте, а Тина работает в библиотеке графства в Редмине и там же снимает квартиру.

Прежде чем продолжить, Маршалл помедлил.

– Кроме того, там же находилась мисс Вон, секретарша мистера Эрджайла. Она покинула дом еще до того, как был обнаружен труп.

– Я уже встречал ее, – заметил Калгари. – Она показалась мне очень... привязанной к мистеру Эрджайлу.

– Да... да. Полагаю, что скоро может быть сделано объявление о помолвке.

– Вот как!

– После кончины жены он пребывал в одиночестве, – с легким неудовольствием в голосе объявил адвокат.

– Вполне понятно, – проговорил Калгари. – А как насчет мотива, мистер Маршалл?

– Мой дорогой доктор, я и в самом деле не вправе спекулировать на эту тему!

– Думаю, что это не так. Как вы уже сказали, факты вполне поддаются проверке.

– Прямого денежного интереса не было ни у кого. Миссис Эрджайл вступила в ряд дискреционных трастов, следуя во многом принятой в наши дни формуле. Все фонды учреждались в пользу всех детей. Управляли ими три опекуна, одним из которых являлся я, вторым – Лео Эрджайл, а третьим – американец-адвокат, дальний родственник миссис Эрджайл. Оставленная ею очень крупная сумма подлежит рассмотрению троих опекунов и может быть предоставлена тем из опекаемых лиц, кто более нуждается в деньгах.

– А как насчет самого мистера Эрджайла? Предоставляла ли ему смерть жены денежную выгоду?

– В не слишком большой степени. Как я уже сказал, бо́льшая часть ее состояния была помещена в фонд. Остаток состояния она завещала ему, однако сумма не была существенной.

– А как насчет мисс Линдстрём?

– Миссис Эрджайл за несколько лет до смерти приобрела для мисс Линдстрём приличную ежегодную ренту. – Раздраженным тоном Маршалл добавил: – Вы говорите: мотив? Я здесь такового не усматриваю ни на йоту. И в первую очередь финансового мотива.

– А как насчет эмоциональной сферы? Не было ли между ними каких-то особых тренировок?

– Боюсь, здесь я не в состоянии помочь вам, – отрезал Маршалл. – Я не вникал в их семейную жизнь.

– Но, может быть, кто-то знаком с ее течением?

Задумавшись на пару-другую мгновений, адвокат проговорил, едва ли не против желания:

– Вам надо бы сходить к местному доктору... доктору... э... Макмастеру, кажется, так. Теперь он на покое, однако по-прежнему живет в этих краях. Состоял медиком при ее приюте. Так что внушительная часть жизни в «Солнечном мысе» должна была пройти на его глазах. Однако его еще нужно убедить разговориться. Однако если он согласится, то может оказаться полезным... впрочем, простите меня за такие слова, но неужели вы считаете, что сумеете чего-то добиться там, где этого не смогла сделать полиция в более простой ситуации?

– Не знаю, – проговорил Калгари. – Наверное, нет. Но я знаю другое: я обязан попробовать. Да, у меня нет другого выхода.

Глава 5

Брови главного констебля⁵ майора Финни неторопливо поползли вверх по лбу в безуспешной попытке добраться до линии далеко отступивших седеющих волос. Возведя очи к потолку, он опустил их к разложенным на столе бумагам и провозгласил:

– Это неопишимо!

Молодой человек, по долгу службы обязанный правильно реагировать на реплики начальства, произнес:

– Да, сэр.

– Ну и дела, – пробормотал майор и принялся барабанить пальцами по столу. – Хьюиш на месте?

– Да, сэр. Суперинтендант Хьюиш вернулся примерно пять минут назад.

– Хорошо, – проговорил главный констебль. – Пришлите его ко мне!

Суперинтендант Хьюиш, высокий и печальный мужчина, был настолько пропитан меланхолией, что никто не поверил бы в то, что он способен быть душой детской вечеринки, сыпать шутками и, к восхищению малых мальчишек, доставать пенни из их ушей.

– Доброе утро, Хьюиш, – промолвил начальник полиции. – Мы тут получили новую докуку на свою голову. Ваше мнение?

Суперинтендант тяжело вздохнул и опустился в указанное кресло.

– Похоже, что два года назад мы допустили ошибку, – проговорил он. – Этот парень... как его там...

Главный констебль порылся в бумагах.

– Калори... нет, Калгари. Что-то вроде профессора. Должно быть, рассеянный док, а? Из тех, что путают часы, даты и все такое?

В голосе его угадывался слабый намек на просьбу, однако Хьюиш не отреагировал на нее.

– Насколько я знаю, он вроде как ученый, – ответил он.

– И по-вашему, мы должны согласиться с тем, что он говорит?

– Что ж, – проговорил Хьюиш, – сэр Реджинальд, как следует из этих бумаг, принял его точку зрения, а я не думаю, что мимо него может что-то пройти незамеченным.

Это был комплимент главному государственному обвинителю.

– Нет, – против желания сказал майор Финни. – Если ГГО не против, значит, нам придется принять его мнение. А это, в свой черед, означает, что нам придется заново открывать дело. Вы принесли с собой все необходимые материалы, как я просил вас?

– Да, сэр, всё здесь. – Суперинтендант выложил стопку документов на стол.

– Прочли уже? – спросил главный констебль.

– Да, сэр, проглядел еще вчера вечером. Я достаточно хорошо помню это дело. Хотя бы потому, что все произошло не так давно.

– Хорошо, Хьюиш, значит, берите его себе. Где мы находимся?

– Снова в самом начале, сэр, – проговорил суперинтендант. – Вся беда, понимаете ли, заключается в том, что *тогда* у нас не возникло никаких сомнений.

– Да, – согласился главный констебль. – Дело казалось совершенно ясным. Не думайте, что я в чем-то обвиняю вас, Хьюиш. Я поддерживаю вас на все сто процентов.

– И в самом деле, – задумчиво проговорил тот. – Там просто не было другого потенциального подозреваемого. Нам сообщили о происшедшем убийстве. Оказалось, что мальчишка побывал дома и угрожал матери, потом нашлись отпечатки пальцев – его собственных

⁵ Должность начальника полиции города (за исключением Лондона) или графства.

пальцев на кочерге, а потом еще и деньги. Мы арестовали его почти сразу после преступления, и деньги были при нем.

– А какое впечатление он произвел тогда на вас?

Подумав Хьюиш, ответил:

– Скверное. Слишком наглый и самоуверенный. Весь был полон своим алиби. Полный нахал. Ну, вы знаете этот тип. Убийцы поначалу всегда держатся нагло. Считают себя очень умными. Думают, что *они* поступили правильно, вне зависимости от того, во что их преступление обошлось другим людям. Он выглядел как злодей.

– Да, – согласился Финни, – злодеем он и был. Все его дело доказывает это. Однако вы с самого начала были уверены в том, что он является убийцей?

Суперинтендант задумался.

– В таких вещах невозможно испытывать полной уверенности. Как я уже сказал, он принадлежал к тому типу, который очень часто заканчивает свою карьеру убийством. Подобно Хармону в тридцать восьмом году, за которым и так тянулся длинный хвост украденных велосипедов, денежных мошенничеств, обманов пожилых женщин... в конечном итоге он убивает одну из жертв своего мошенничества, растворяет ее труп в кислоте, получает удовлетворение от процесса и начинает возводить его в привычку. Я посчитал, что Джеко Эрджайл принадлежал к тому же самому типу.

– Однако выходит, – неторопливо проговорил начальник полиции, – что мы ошибались.

– Да, – проговорил Хьюиш, – да, мы ошиблись. А парень умер. Скверное дело. Учтите, – добавил он с внезапным воодушевлением, – он все равно принадлежал к преступному типу. Возможно, он не был убийцей – не был, как оказывается теперь, – но являлся преступником по натуре.

– Хорошо, идем дальше, – продолжил Финни, – кто же тогда *убил* ее? Вы ведь вели это дело, как напомнили мне вчера вечером. Ее убили. Женщина не способна ударить себя кочергой по затылку. Значит, это сделал кто-то еще. Кто же?

Суперинтендант Хьюиш вздохнул и откинулся на спинку кресла.

– Боюсь, что нам уже не удастся это узнать, – отозвался он.

– Не просто трудно, а невозможно, так?

– Да, потому что след простыл, и еще потому, что особых новых свидетельств найти не удастся, хотя я бы сказал, что их, в общем-то, и не было.

– Суть дела заключается в том, что ее убил кто-то из находившихся в доме, знакомый ей человек?

– Не вижу, кто еще это мог быть, – проговорил суперинтендант. – Убийца должен был находиться в доме, или же она сама открыла дверь и впустила его. Эрджайлы принадлежат к любителям запираяться. Надежные задвижки на окнах, цепочки, несколько замков на входной двери. За пару лет до того к Эрджайлам забрался грабитель, и это заставило их принять дополнительные меры... – Недолго помолчав, он продолжил: – Вся беда, сэр, заключается в том, что в тот раз мы не проявили особой дотошности. Улики против Джеко Эрджайла казались неопровержимыми. Конечно, если посмотреть с сегодняшней точки зрения, убийца воспользовался этим.

– Воспользовался тем фактом, что парень в тот вечер был в доме, ссорился с матерью и угрожал ей?

– Да. Убийце оставалось только войти в комнату, взять брошенную Джеко кочергу в закрытую перчаткой руку, подойти к столу, за которым сидела и писала миссис Эрджайл, и ударить ее по голове.

Майор Финни произнес одно короткое слово:

– Зачем?

Хьюиш неторопливо кивнул.

– Да, сэр, именно это нам и надлежит выяснить. Трудный вопрос. Полное отсутствие мотива.

– Насколько я вас понимаю, – продолжил главный констебль, – очевидного мотива для удара, если можно так выразиться, не существовало. Подобно многим прочим женщинам, владеющим собственностью и существенным личным состоянием, миссис Эрджайл использовала различные схемы, которые допускает закон, чтобы избежать выплаты налога на наследство. Был учрежден благотворительный фонд, дети были обеспечены всем еще до ее смерти. Они не могли получить ничего больше в случае ее кончины. Кроме того, нельзя сказать, что она была неприятной женщиной, вечно недовольной, грубой или скупой. Она никогда не жалела денег для них. Хорошее образование, начальный капитал для вступления в дело, существенные пособия для всех и каждого... Воплощенная симпатия, доброта и благоволение.

– Именно так, сэр, – согласился суперинтендант. – На первый взгляд ни одному из них не было нужды убирать ее со своего пути. Конечно...

Он умолк.

– Да, Хьюиш?

– Мистер Эрджайл, насколько я понимаю, подумывает о новом браке – с мисс Гвендой Вон, уже давно исполняющей обязанности его секретарши.

– Да, – задумчивым тоном проговорил майор Финни. – Это, безусловно, мотив, о котором мы в то время не знали. Она уже несколько лет работает на него, так вы сказали. Может быть, к моменту убийства между ними уже что-то завязалось?

– Сомневаюсь в этом, сэр, – ответил суперинтендант. – Подобного рода события не проходят в деревне мимо глаз общества. То есть едва ли они предпринимали в этом отношении какие-то действия, так сказать. Ничего такого, что могла бы обнаружить миссис Эрджайл, после чего ее потребовалось бы срочно устранить.

– Так, – согласился начальник полиции. – Однако ему, возможно, очень хотелось жениться на Гвенде Вон.

– Она женщина привлекательная, – проговорил Хьюиш. – Отнюдь не шикарная, я бы так не сказал, но вполне милая и приятная с мужской точки зрения.

– Должно быть, уже давно преданная ему, – заметил майор Финни. – Вечно эти секретарши влюбляются в своих боссов.

– Итак, мы получили некий мотив для этой пары, – сказал Хьюиш. – Теперь остается леди в услужении, эта шведка. Она вполне могла не столь уж любить миссис Эрджайл, как изображала это. У нее могли копиться обиды, действительные или воображаемые; поводы для негодования или возмущения. Смерть миссис Эрджайл не сулила ей финансовой выгоды, поскольку та уже устроила для нее приличную годовую ренту. Она *производит впечатление* доброй и разумной женщины, не из тех, кто способен ударить человека кочергой по голове! Впрочем, как знать, как знать? Вспомним, например, дело Лиззи Борден...

– Да, – согласился главный констебль, – заранее ничего сказать невозможно. Так вы исключаете появление какого-либо незнакомца?

– Следов такового не осталось, – ответил суперинтендант. – Ящичек с деньгами был выдвинут из стола. Комнате постарались придать такой вид, будто в ней побывал грабитель, однако очень неловко. Что полностью отвечало представлению о том, как мог действовать молодой Джеко, пытавшийся создать подобный эффект.

– Кстати, меня смущают деньги, – проговорил начальник полиции.

– Да, – признал Хьюиш. – Это трудно понять. Одна из пятерок, найденных у Джеко Эрджайла, совершенно точно была выдана тем утром в банке миссис Эрджайл. На оборотной стороне купюры было написано имя миссис Боттлберри. *Он* сказал, что получил деньги от матери, однако и мистер Эрджайл, и Гвенда Вон вполне определенным образом утвер-

ждали, что миссис Эрджайл вошла в библиотеку без четверти семь и сказала, что Джеко требовал у нее денег и что она категорически отказала ему.

– Конечно, – заметил главный констебль, – при том, что нам теперь известно, может оказаться, что Эрджайл и девица Вон лгут.

– Да, такое возможно... или же... – Суперинтендант не стал продолжать.

– Да, Хьюиш? – поощрил его Финни.

– Предположим, что некто – назовем пока ее или его Икс – подслушал ссору и слышал сделанные Джеко угрозы. И этот самый некто усмотрел здесь возможность. Забрал деньги, догнал парня, сказал ему, что мать передумала, таким образом подготавливая почву для тончайшего обмана. И осторожно воспользовался кочергой, которой ей угрожал Джеко, не оставив на ней своих «пальчиков».

– Черт побери, – ругнулся главный констебль. – Все это ничуть не совпадает с тем, что известно мне о членах семьи. Кто еще находился дома в тот вечер, кроме Эрджайла, Гвенды Вон, Эстер Эрджайл и этой Линдстрём?

– Старшая замужняя дочь Мэри Дюрран с мужем.

– Он ведь калека, не так ли? Это выводит его за скобки. А как насчет самой Мэри Дюрран?

– Очень спокойная особа, сэр. Трудно представить, чтобы она просто разволновалась... не то чтобы убила кого-то.

– А прислуга? – потребовал ответа главный констебль.

– Исключительно приходящая, сэр, и в шесть все уходят домой.

– Позвольте мне глянуть на временную схему событий.

Суперинтендант передал ему лист бумаги.

– Гм... да, понятно. Без четверти семь миссис Эрджайл, находясь в библиотеке, рассказала своему мужу об угрозах Джеко. Гвенда Вон присутствовала при части этого разговора. И отправилась домой сразу после семи. Эстер Эрджайл видела свою мать живой в две или три минуты восьмого. После этого никто не видел миссис Эрджайл до половины восьмого, когда мисс Линдстрём обнаружила ее мертвое тело. Половина часа между семью и семью тридцатью предоставляет уйму возможностей. Ее могла убить Эстер, могла убить Гвенда Вон – после того, как вышла из библиотеки, но до того, как ушла из дома. Мисс Линдстрём могла убить ее – перед тем, как якобы обнаружила тело. Лео Эрджайл находился в одиночестве в своей библиотеке с десяти минут восьмого до половины, когда мисс Линдстрём подняла тревогу. За эти двадцать минут он вполне мог зайти в гостиную жены и убить ее. Оставшаяся наверху Мэри Дюрран за эти полчаса также могла спуститься вниз и убить свою мать. А кроме того, – задумчивым тоном произнес Финни, – и сама миссис Эрджайл могла впустить кого-то в дом – как мы считали, что она впустила Джека Эрджайла. Если помните, Лео Эрджайл говорил, что ему *показалось*, что он слышал дверной звонок и звук открывающейся и закрывающейся двери, однако не мог сказать, когда именно это было. Мы решили, что это было, когда Джеко вернулся и убил ее.

– Ему не было нужды звонить в дверь, – поправил его Хьюиш. – У него был собственный ключ. Как и у всех остальных.

– У них есть еще один брат, так?

– Да, Майкл. Продает автомобили в Драймуте.

– Пожалуй, вам следовало бы установить, что он делал в тот самый вечер, – порекомендовал главный констебль.

– Это после двух-то прошедших лет? – удивился суперинтендант. – Вряд ли кто-то запомнил какие-то подробности.

– А что он ответил в то время?

– Насколько я помню, обкатывал автомобиль вместе с покупателем. Тогда причин подозревать его не усматривалось, однако у него был ключ, и он действительно *мог* войти и убить ее.

Майор вздохнул.

– Даже не знаю, с чего вам братья за дело, Хьюиш. И не представляю, каким образом мы можем теперь что-либо обнаружить.

– Мне самому хотелось бы выяснить, кто именно убил ее, – проговорил суперинтендант. – Судя по всему, что мне известно, убитая была хорошей женщиной. Много сделала для людей. Для несчастных детей, для бедствующих и нуждающихся. Она принадлежала к тем людям, кого нехорошо убивать. Да. Мне хотелось бы найти убийцу. Даже если нам не удастся найти достаточно свидетельств, чтобы удовлетворить главного прокурора, мне хотелось бы *выяснить* это хотя бы для себя.

– Что ж, в таком случае могу только пожелать вам удачи, Хьюиш, – сказал начальник полиции. – К счастью, сейчас у нас немного дел. Однако не разочаровывайтесь, если не сумеете ничего выяснить. След остыл. Да. Безнадежно остыл.

Глава 6

I

В кинотеатре зажегся свет. По экрану побежали строки заключительных титров. Появились киношные разносчицы с лотками, полными лимонада и мороженого. Артур Калгари принялся разглядывать их: полная девица с каштановыми волосами, высокая и темно-волосая, и маленькая блондинка. С последней-то он и собрался повидаться. Жена Джеко. А точнее, вдова Джеко, теперь являвшаяся женой человека по имени Джо Клегг. Хорошенькое, но скучное личико, покрытое слоем косметики, выщипанные брови, взбитые в отвратительном и дешевом перманенте волосы. Артур Калгари купил у нее стаканчик мороженого. У него был ее домашний адрес, он намеревался говорить с ней у нее дома, однако сперва хотел увидеть ее со стороны, глазами незнакомца. Ну что же, такая, какая есть. Не из тех невесток, к которым миссис Эрджайл по любым соображениям могла бы отнестись с большим вниманием. И поэтому, надо думать, Джеко помалкивал о ней.

Артур вздохнул, осторожно поставил стаканчик с мороженым под кресло и откинулся назад, когда погасли огни и на экране появилось название следующего фильма. Некоторое время спустя он осторожно поднялся и покинул зрительный зал.

На следующее утро, в одиннадцать часов, он явился по полученному адресу. Дверь открыл шестнадцатилетний мальчик, который на вопрос Калгари ответил:

– Клегги? Это наверно.

Артур поднялся по лестнице, постучал в дверь, открыла ему сама Морин Клегг. Без своего форменного платья и макияжа она выглядела совершенно иначе. В глупой доброй мордашке не было ничего интересного. С сомнением посмотрев на него, женщина нахмурилась.

– Моя фамилия Калгари. Мистер Маршалл должен был предупредить вас о моем визите.

Лицо ее прояснилось.

– Ах, так это вы! Входите, входите. – Она отодвинулась назад, позволяя ему войти. – Простите за беспорядок. У меня еще не было времени на уборку. – Она смахнула с кресла какую-то неопрятную одежду, отодвинула остатки недоеденного завтрака. – Садитесь. Очень хорошо, что вы пришли.

– Я считал себя обязанным это сделать, – проговорил Калгари.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.